

Метро 2035: Крыша мира. Карфаген

Автор:

Владислав Выставной

Метро 2035: Крыша мира. Карфаген

Владислав Валерьевич Выставной

МетроВселенная «Метро 2035»Крыша мира #2

Карфаген должен быть разрушен. Никто не знает, какая катастрофа надвигается на убежище в глубинах Кавказских гор, но все уже смирились с неизбежным.

Все, кроме Змея. Только не любят здесь пророков и тех, кто выступает против системы.

И потому ему путь один – в «каменный мешок», вместе с другими несогласными.

Но смогут ли стены удержать того, кто уже достиг Крыши мира?

Как он поступит, когда «крыша» его собственного, подземного мира станет смертельной ловушкой для всех обитателей?

Книга содержит нецензурную брань

Владислав Выставной

Метро 2035

Крыша мира

Карфаген

Серия «Вселенная метро 2035»

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя, запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Оформление серии – Павел Бондаренко

© Глуховский Д., 2017

© Выставной В., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Любимой Ксении

Глава первая

Возвращение в ад

В яме было темно и душно. Змей продолжал работать лопатой, то и дело заходясь в кашле от едкой пыли. Комья раздробленной породы вылетали за пределы рваной земляной дыры и тут же скатывались обратно, словно стремясь похоронить под собой потревожившего неподатливую почву человека.

– Да где же оно, чтоб его?! Ничего не понимаю... – раздраженно пробормотал Змей и грязным запястьем попытался смахнуть со лба пот, который едкими каплями затекал в глаза и мешал сосредоточиться. Но стало только хуже. Хрипло закашлявшись, он сплюнул сгусток черной от забивающейся в рот пыли слюны и продолжил яростно вгрызаться в землю. Немного имелось мест в этих подземельях, среди руды и плотного камня, где можно было копать обыкновенной лопатой. Для таких работ скорее подошли бы отбойный молоток да матерное слово проходчика. Здесь же, у выхода на поверхность, штольню устилал толстый слой отработанной породы. Именно потому Змей выбрал в свое время это место для тайника. Да только есть у тайников одно крайне неприятное свойство – скрываться не только от посторонних любопытных глаз, но в том числе и от своего хозяина.

– Давай же, ну! – шептал Змей, с размаху втыкая лоток в почти непробиваемую землю.

Звякнуло. Лопата уперлась во что-то твердое. Змей издал победный возглас, принялся рыть активнее – до тех пор, пока на лице его не отразилось недоумение. Щека нервно дернулась.

Он искал герметичный металлический ящик с заначкой. А откопал... человеческую голову. Точнее, разложившееся до костей тело в истлевшей одежде, с проломленным черепом и брошенную рядом кирку. Надо полагать, она и звякнула при соприкосновении с лопатой. Не нужно было быть криминалистом, чтобы заметить, что треугольная дыра в голове застывшего навсегда бедолаги идеально соответствует острию кирки. Этого малого, кем бы он ни был, грохнули. Причем за его, Змея, заначку. Которой, разумеется, здесь уже не было.

– Да чтоб ты сдох... – устало опустившись на корточки, сказал мертвецу Змей.

Лег рядом, вытянувшись, насколько позволяла яма. Вид из нее был – как из могилы. Черт, это ведь и была могила. Змей повернул голову.

На него таращилась пустая глазница безмолвного соседа: рот с гнилыми зубами чуть приоткрыт, на черепе с почерневшими остатками кожи – приветливая улыбка, и запахок – не то чтобы «от кутюр».

– Прости, приятель, – прошептал Змей. – Нам обоим не повезло.

Надо было выбираться, но он смертельно устал.

Закрыв глаза и подумал, что надо двигать дальше, здесь ловить было больше нечего.

Под ногой что-то звякнуло. Сдвинув ботинок в сторону, Змей заметил сверкнувший в пыли отблеск. Наклонился и поднял монету.

Вольфрамовая «десятка». Блестящая, новенькая. Кто мог обронить ее в этих безлюдных катакомбах? Уж не тот ли, кто тащил украденные у него денежки? Он напрасно понадеялся на заначку, оставленную «на черный день», и уже начинал думать, что фортуна окончательно отвернулась от него. И вот – новый шанс.

Решил проверить удачу.

Щелчком большого пальца подбросил монету, загадав «решку». Поймал, раскрыл ладонь. И даже не удивился, увидев нагло сверкнувшего «орла», роль которого исполняла эмблема Директории.

Все-таки его везение имело предел. Злой рок, в принципе, был его верным спутником с момента возвращения. С другой стороны, он и не привык полагаться на удачу. Да и не было пока повода расслабляться.

В бледном свете плафона рассмотрел увесистый металлический диск с символикой Директории. Сцепленные в единый механизм шестерни являлись символом общего труда во имя единой цели. Однако простым людям символ этот

трактовался иначе: мол, все мы безвольные шестеренки бездушной подземной машины; можно сколько угодно болтать о всеобщем благе, если не знать, что есть кто-то, дергающий за рычаги чудовищного механизма исключительно во имя собственных интересов. Там, на элитных уровнях, плевать хотели на тех, кто обеспечивал их сытую и беззаботную жизнь. Неудивительно, что в последнее время этот механизм, хорошо смазанный потом и кровью, пошел вразнос. И обилие кровавой «смазки» уже не помогало.

Все становилось только хуже.

Он видел висящих на ржавом рельсе фермеров – потеряв урожай, отравленный черной водой, они не стали ждать голодной смерти. Видел сожженных из огнеметов рабочих – они всего лишь осмелились требовать чистого воздуха. Видел расчлененные тела и разрисованные запекшейся кровью стены – в Мрачных Норах гадали на человеческих внутренностях, после чего пожирали мясо. Много чего и раньше творилось в угрюмых недрах Карфагена, но лишь теперь стыдливо замеченная под ковер грязь стала расползаться, стремясь замарать каждого.

Только здесь, в заброшенных туннелях, ничего не изменилось. Что может измениться в бесконечной сети бетонных нор? Темный коридор с подтеками битума и разводами белесого осадка на покатых стенах оставался таковым с момента постройки еще до Катастрофы. Единственный треснутый плафон на сотню шагов, лужи черной воды под ногами... Разве что воздух стал еще более затхлым – наверное, стала барахлить вентиляция. Не очень хорошие новости, если не брать в расчет куда более неприятные.

Его не было в Карфагене около месяца. Черная вода, прибывающая от подножия Запретной горы, затопила нижние уровни двух секторов, уничтожая урожай гидропонных ферм – а это уже грозило тотальным голодом. Западный сектор, в котором Змей рассчитывал отсидеться и перевести дух после длительной вылазки, обезлюдел. Даже авторитетные ребята из касты неприкасаемых, державшие в своих руках тамошние заводские дела, горнодобычу, торговлю едой и «кисляком», покинули свое некогда теплое местечко. Перемены были тревожные, особенно для этого хрупкого мира ограниченных ресурсов.

Самое время, чтобы прислушаться к тому, кто принес надежду. Но...

Местные таращились на него, словно на диковинного зверя. Он не скупился в описаниях того, что видел собственными глазами там, на поверхности. Но люди странные существа: они до последнего упираются в своих закоряченных представлениях, отказываясь воспринимать то, что не сочетается с привычным укладом. Они не верили ему. А может, верили – но просто боялись себе в этом признаться.

Людам не нужна была надежда. Им нужен был их темный, душный, зато сравнительно теплый и удобный, как разношенные ботинки, мирок. Его они не променяли бы на пугающие перспективы. Если, конечно, сама жизнь не дала бы под зад увесистого пинка.

То, что он наблюдал, было похоже даже не на тот самый жизненный пинок – это было натуральное избиение ногами, с кровавым месивом и отбитыми почками. И дело теперь было, наверное, не в тупом человеческом упрямстве. Просто бывает так, что, вместо того чтобы бежать, искать спасение, люди впадают в ступор, когда отчаяние берет верх над здравым смыслом.

Больше всего он боялся заразиться ощущением безнадежности, охватившим задохнувшиеся от перенаселенности уровни. Если раньше он был здесь кум королю, ногой открывал все двери, забыв, что такое нужда, то теперь желудок у него сводило голодными спазмами.

Пустой карман, правда, чуть утяжелила единственная монета в десять фрамов – негусто по нынешним временам, учитывая резко взлетевшие цены на жратву. А набить брюхо было бы очень кстати – он двое суток ничего не ел, пробираясь тайными тропами из дальних секторов. В Центральном же секторе, куда он направлялся, этой увесистой монеты могло не хватить и на пустую лепешку, не говоря о начинке из грибов и крысятины.

Однако десять фрамов могли увеличиться самым удивительным образом – если владеть кое-какими полезными приемами.

Самое время было заглянуть в притон.

Здесь играли в «очко».

Заведение самого низкого пошиба нашлось на границе сектора, и, как водится, находилось оно в неучтенной норе, продолбленной в нарушение техники безопасности между двенадцатым и одиннадцатым уровнями. Пробили эту грязную червоточину в скальной породе, видимо, совсем недавно. В последнее время из-за наплыва беженцев из дальних секторов проблема перенаселения заставила карфагенцев стихийно изменять принятую здесь стройную систему уровней. Неспроста этих опасных захватчиков неучтенных объемов пространства прозвали «термитами»: они точили гору, как насекомые, превращая монолит в зыбкую трухлявую массу. Помимо всего прочего, это грозило обрушением незаконно выгрызаемых в толще горы пространств. Но, видимо, у Директории не оставалось уже сил контролировать демографические процессы, набравшие все более стихийный характер.

Сейчас это меньше всего волновало Змея. Он надеялся сорвать куш.

– Разменяешь десятку? – спросил он у человека за импровизированным карточным столиком.

Тот ловко манипулировал карточной колодой, выполняя роль крупье или, применительно к данной версии «блэк-джека», – банкира. Азартные игры в Центральном секторе были запрещены, но всегда культивировались под опекой группировок неприкасаемых. Теперь же пришлые занимались этим самостоятельно, даже не думая отстегивать полагающийся процент в общак. Совсем страх потеряли.

– Мелко плаваешь, – отозвался банкир, оглядывая Змея с головы до ног. – Бармен берет вещи под залог. Куртец у тебя ничего. Кожа? Натюрель?

– Натюрель. Только куртец мне еще пригодится. Начну все-таки с десятки. Так разменяешь?

Банкир молча, с кривой усмешкой взял у Змея десятку и выдвинул перед собой столбик мелких монет. Сообщил:

– У меня минимальный вход – пять монет в банк. С твоим можешь рассчитывать на один тур.

– Идет, – отозвался Змей.

Банкир был похож на черта, чудом вырвавшегося из преисподней сквозь щель в мясорубке: изрезанное шрамами черное лицо, единственный выпученный, налитый кровью глаз, торчащие в стороны клочья грязных серых волос, руки со следами ожогов, на одной из которых не хватало пальцев. При этом одет он был с вызывающим бродяжьим шиком: выдавший виды твидовый пиджак, некогда белая рубашка и самая натуральная «бабочка», лоснящаяся непонятным оттенком сиреневого. Что поражало больше всего – на грязных манжетах, торчавших из коротковатых рукавов, у этого типа были самые настоящие золотые запонки со сверкающими камешками. Может, золото и камни были фальшивые, но это не отменяло странного, совершенного неуместного здесь стиля, невольно вызывавшего уважение и оторопь. Хотя опытный взгляд посредника сразу отметил чуть оттопыренный карман пиджака. Заточка, нож, а то и ствол у этого красавца наверняка были под рукой. Сам же типаж банкира не давал повода усомниться: этот пустит клиенту кровь не задумываясь. Так что запонки не должны были никого вводить в заблуждение.

Банкир тоже сразу оценил клиента, сверкнув взглядом по татуировкам на щеках Змея, но виду не подал. Был он не из местных, во всяком случае, Змей видел его впервые. Но знаки неприкасаемого на лице посетителя крупные были наверняка известны. И то, что этот щеголь вел себя так дерзко, означало лишь то, что чужаки уверились в своей безнаказанности. Потеря устоявшимися группировками контроля над уровнями грозила новым кровавым переделом. Голодранцы с окраин не соображали, во что лезут, а потому не знали страха и не имели представления о понятиях неприкасаемых. Среди пришлых было полно беспредельщиков, готовых убивать за кусок хлеба и первую понравившуюся вещь. Сами они дошли как мухи от рук таких же беспредельщиков, но другим от того было не легче: с нарастанием проблем «сносить крышу» стало у многих, и привычные для неприкасаемых методы устрашения грозили в скором времени перестать работать – любая мать за своего ребенка способна перегрызть горло самому страшному бандиту.

Тем не менее, сейчас крутить носом со своей жалкой десяткой Змею не приходилось. Он следил за ловко мелькавшими пальцами банкира. Этот тип свое дело знал.

Колода со смачным треском легла на покрытый грязным сукном стол рядом с банком из десяти монет.

– Сдвинешь?

– Сдавай, – спокойно сказал Змей.

Банкир сдал по карте. Змей посмотрел. «Семерка». Положил монету, сказал:

– Еще.

В банк ушло еще две монеты. Крупье сдал ему последовательно «десятку» и «короля».

Чистое «двадцать одно».

У франта оказалось «двадцать», и Змей сгреб банк, став на восемь фрамов богаче. Невесть какое богатство, конечно, но лицо у банкира вытянулось, хоть он и пытался демонстрировать равнодушие.

– Повторим? – предложил клиент.

И положил в банк столбик из десяти монет. Крупье с кривой улыбкой ответил, пополнив банк до двадцати.

Второй тур также остался за Змеем. Это была чистая удача, которую он до поры до времени берег самым суеверным образом, играя на деньги лишь в крайнем случае. Сказалась школа старого «каталы» по прозвищу Свищ, который использовал его, еще сопливого мальчишку, для отработки своих грязных приемчиков. Иногда этот опыт очень даже пригождался.

Справа присел шустрый грязноватый мужичонка с бегающими глазами, до этого дувший в углу какое-то пойло из плохо обожженной глиняной кружки:

– В «очко» режетесь? А можно с вами?

Мужичонка изо всех сил изображал неловкость и любопытство новичка:

– Сам-то я играю не очень, но всегда хотел попробовать.

Слева на хлипкую табуретку грузно опустился мрачный громила с вонючей самокруткой в зубах, пыхнув ядовитым дымом и процедив сквозь зубы:

– Я тоже хочу.

Только наивный простачок мог бы подумать, что эти двое присели случайно. Змей сразу просек, что они наверняка работали в одной команде с банкиром. Показалось даже: тот подал им неприметный знак.

Не моргнув глазом, удачливый клиент сказал:

– Составьте компанию. Мне не помешают деньги.

Прозвучало это несколько вызывающе, но Змей решил обострить ситуацию. Нужно было наказать нахалов, пытавшихся нагреться на чужой территории. Не то чтобы он сильно симпатизировал группировке Краба, покрывавшего игорный бизнес, колдунов и гадалок, просто в нем неожиданно проснулся посредник – тот, кому полагалось улаживать конфликты между неприкасаемыми. А эти двое конфликт провоцировали – стало быть, их следовало наказать.

В банк полетели монеты, крупные стал сдавать. Подсевшие толком играть не умели, за картами не следили и только помогали разорять это самопальное казино. Но у них и не было задачи выиграть. Их целью было не дать залетному клиенту уйти с выигрышем.

– Эй, уважаемый, есть что выпить? – следя краем глаза за соседями, позвал Змей. Он обратился к хмурому типу, выполнявшему здесь роль бармена – если можно было считать баром грязную стойку с мутными стеклянными сосудами.

– Чистый дистиллят, бражка, грибной бренди, фруктовая, – сообщил бармен. – Пиво есть, но не советую.

– Фруктовая – звучит загадочно, – заглядывая в карты, отозвался Змей. – Химия, небось?

– А ты как хотел? – огрызнулся хмурый. – Мы ж не богачи с элитных этажей, нам клубничку на гидропоне не подращивают. Так что выбрал?

– Дистиллят давай, на два пальца. Не тот день, чтобы экспериментировать. И не разбавляй сильно, я это с ходу чую.

– У нас по-честному. С тебя десятка.

– Нормально, – возмутился клиент. – А что так дорого?

– Ну, ты можешь себе позволить. Карта, смотрю, тебе прет.

На столе перед Змеем появился стакан из потемневшего стекла с подозрительной желтоватой жидкостью. Чуть пригубил. На вкус поило было лучше, чем выглядело.

– Ваше здоровье! – провозгласил Змей, обернувшись к соседям и мельком поглядев за спину.

Собственно, для этого и понадобилась выпивка. Его выигрыш уже превысил сотню, и становилось ясно: спокойно уйти ему не дадут. Следовало прикинуть путь к отступлению. Который теперь тоже был под вопросом. Змей и не заметил, как в притон тихо зашел еще один невзрачный незнакомец в сером плаще и приплюснутой кепке-восьмиклинке – типичный прикид чужаков с окраин, пытавшихся мимикрировать под состоятельных обитателей Центрального сектора. Чем хорош был такой плащ, так это тем, что под ним легко можно было спрятать оружие. Мужик сел за столик у входа, тем самым отрезая проход.

«Ну все, обложили. Пора уносить ноги», – понял Змей.

– А давайте повысим ставки, – предложил он. – По полтиннику в банк, а?

Мрачный тип, что сидел от Змея по левую руку, поглядел на него испепеляющим взглядом, шустрый же растянул свое небритое лицо в неприятной улыбке и сказал радушно:

– Последнее забрать хочешь, родной?

– Да я, собственно, не заставляю, – улыбнулся в ответ Змей.

– Ладно, – кивнул мужичонка, – только денег у меня больше нет. – Ставлю шмотку.

И стянул с себя грязную рабочую куртку из прорезиненного брезента.

– Я тоже, – прорычал громила, стягивая с себя бесформенную пыльную хламиду. Кивнул Змею. – Свою снимай.

– С чего это? – Улыбка застыла на лице посредника – почему-то именно сейчас вспомнилась давняя профессиональная практика с ее критическими ситуациями, когда на кон ставилась даже не последняя одежда – сама жизнь. – Мы не договаривались играть на вещи – это раз. Да и куртка моя стоит раз в пятьдесят дороже вашего барахла – это два. Не хотите играть – я забираю деньги и ухожу.

– Ты что, паря, попутал? – с угрозой в голосе произнес громила.

Пока Змей смотрел в его сторону, в бок ему уперлось острие ножа: это уже шустрый грязнуля постарался. Банкир примирительно поднял руки:

– Спокойно, ребята. Человек просто не знаком с нашими правилами: у нас решает большинство. Если двое решили играть на одежду, третий, уже вступивший в игру, обязан принять ставку и играть. Или просто отдать аналогичную вещь. У нас все честно. Бармен – свидетель. Да еще вот пара посетителей подтвердит.

Это был чистейшей воды «развод», причем примитивный, грубый. За такое в группировке покойного Шайтана шулерам ломали руки. Но даже винтажная кожаная куртка не стоила пера под ребром, и Змей с кривой усмешкой стащил с себя куртку, бросив ее поверх тряпья обнаглевших «партнеров» по игре.

– Сдавай, – глядя в глаза банкиру, сказал он.

Не отводя взгляда, в котором читалось мстительное превосходство, тот принялся метать карты. Змей уже понимал, к чему идет дело. И, смотря в собственные карты, криво улыбался: банкир сдавал так, чтобы у клиента был гарантированный недобор и не менее гарантированный перебор. Стало быть, у кого-то из этой троицы...

– Двадцать одно! – веско заявил крупье, выкладывая карты.

– Пас, – с деланным разочарованием сказал шустрый и бросил карты.

– Пас, – проворчал громила и также уронил свои карты на стол.

В этот момент рядом со столом появилась сгорбленная женщина неопределенного возраста, одетая в какие-то бесформенные лохмотья. Видевшему ее краем глаза Змею она напомнила злую ведьму, хотя явилась тетка всего лишь забрать опустевший стакан.

– Вы спятили, – прошипела вдруг ведьма. – С кем вы играете?! Это же Видящий! Он ваши карты насквозь читает!

– Э, братан... – грозно произнес банкир. – Ты правда Видящий?

Змей сжал зубы, чтобы не выругаться. Не он дал себе это прозвище, и уж тем более не он вложил в него совершенно извращенный и нелепый смысл. И уж самое паскудное – он практически потерял свои странные способности после возвращения с Запретной горы. Но откуда было это знать хмурой тетке, очевидно, знавшей его во времена его сомнительной славы.

Но все, что он мог сейчас сделать, – это лишь сказать, стараясь сохранять спокойствие:

– Ни хрена я не вижу карты. И в темноте не лучше вашего ориентируюсь. У меня просто видения... Были раньше.

– Так она права? Ты Видящий? – словно не слыша клиента, переспросил щеголь.

Змей не ответил. У него на руках была «двадцатка», и было ясно, что «очко» банкира бьет его по-любому. Но посредник успел кое-что заметить. И следующий его жест был неожиданным и в данной ситуации дерзким.

Обеими руками он схватил карты партнеров по обе стороны от себя и, перевернув, резко бросил на стол.

– Ты что творишь, падла?! – взревел громила, вскакивая.

– А с каких пор в колоде два трефовых туза? – спокойно поинтересовался Змей, кивнув на карты взбешенного верзилы, не отводя при этом взгляда от остекленевших глаз банкира. – Что ты там говорил про свидетелей? Может, позовем сюда, полюбоваться, чем ты тут...

Договорить он не успел: у здоровяка сдали нервы. От мощного удара под дых Змей слетел со стула, успев при этом подумать, что удача рано или поздно должна была закончиться. Он ждал чего-то подобного, поэтому был наготове, что позволило несколько смягчить последствия неожиданного нападения. Где-то он, кстати, читал, что великий иллюзионист Гудини помер исключительно из-за того, что не успел подготовиться к неожиданному удару в его обычно железный брюшной пресс. Лежа на грязном полу и закрываясь от яростных пинков «партнеров» по картам, недавний «везунчик» надеялся, что внутренние органы не успеют превратиться в кровавую кашу.

– Что, падла, самый умный? – рычал громила. – За дебилов нас принял?

– Он хотел нас поиметь своей «десяткой», – хихикнул шустрый и впечатал со всей силы носок своего ботинка в бок жертвы. – И у него бы получилось – если бы у нас тут был приют добрых лохов!

Новая серия ударов, хруст – Змею показалось, что треснуло ребро.

– Позвольте, уважаемые! – раздался новый голос. – Это как-то невежливо – месить клиента ногами.

– А это еще что за умник? – оскалился щуплый, тяжело дыша.

– Такой же посетитель, как он, – с легким сарказмом сказал голос. – Собирался оставить у вас небольшую сумму, но теперь вот сомневаюсь. Вдруг мне тоже карта поперет? Не люблю, знаете ли, когда мне по лицу топчутся грязными подошвами.

Удары прекратились, и Змей ощутил странное расслабленное изнеможение на фоне тупой ломоты во всем теле. Он с трудом заставил себя повернуть голову.

Говорил тот самый невзрачный мужик в плаще и кепке, что сидел у входа. Это было что-то новенькое: ведь Змей был уверен, что этот тип – член банды.

– Вали отсюда, гнида, – хрипло сказал громила. – Пока и тебя не обидели.

– А вот это, действительно, обидно, – негромко произнес незнакомец. – Теперь я точно никуда не уйду...

– Да ты покойник... – выдохнул щуплый.

– ... без него не уйду, – закончил незнакомец.

Он кивнул на вяло шевелящегося Змея:

– Давайте я его заберу. И у вас проблем меньше будет.

Экзекуторы с сомнением переглянулись. На беду, у Змея снова прорезался голос. Вместе с присущей ему дерзостью:

– Иди своей дорогой, дядя. Я сам с ними разберусь.

Голос был слабый, хриплый, но довольно наглый.

– Да? – с интересом произнес тип в кепке. – Ну, я подожду.

– Куртку мою отдайте, – с трудом поднимаясь на ноги, проговорил Змей. – И выигрыш. Весь, до фрама...

В следующий момент он снова оказался на полу. Вокруг опять слышались звуки драки или какой-то возни. Только ударов тело не ощущало. Змей с удивлением огляделся.

Картина была удивительна и прекрасна: тип в экстравагантном прикиде профессионально мутузил его мучителей. Причем с такой легкостью и даже грацией, что оставалось только позавидовать. Это не было цирком в стиле некогда популярных восточных единоборств. При этом стиль здесь безусловно

присутствовал – стиль безжалостной уличной драки.

Краем глаза посредник заметил движение со стороны банкира, до того безучастно наблюдавшего за происходящим со стороны. Видимо, здесь соблюдалось некое нехитрое правило игры: содержатель притона был как бы ни при чем – разборки шли исключительно между посетителями. Но тут нервы у него, похоже, сдали, и из-под стола показался выдавший виды обрез двустволки.

– Эй! – только и успел подать голос Змей, пытаясь предупредить смелого незнакомца.

Но тот уже успел и сам сориентироваться. Короткое движение – и в лоб банкира полетела схваченная со стола глиняная посуда. Бахнуло в потолок, над опрокинутым столом мелькнули ноги упавшего стрелка. В следующую секунду Змей ощутил, как его поднимают на ноги за ворот, а голос неожиданного защитника резко бросает в лицо:

– Чего разлегся?! Уходим!

Незнакомец в плаще и кепке здорово ориентировался в этих новых «кротовых норах», вырытых здесь в последние месяцы. Змею не приходилось до этого забредать сюда, так что ему не оставалось ничего другого, кроме как положиться на своего внезапного проводника. И только когда они выбрались под знакомые своды Центрального сектора и сбавили темп удирающих от расправы, посредник, наконец, натянул кожанку, которую успел схватить, убегая, и тащил до этого в руке. Спросил, тяжело дыша:

– А ты вообще кто?

– Не за что, – легко отозвался незнакомец.

– Да, и спасибо, что выручил, – поспешно поблагодарил Змей. – Хотя я бы и сам отбился.

– Чего тогда валялся, как мешок с отходами, пока из тебя отбивную делали?

– Отдыхал. Ждал, пока эти козлы устанут.

Незнакомец сухо рассмеялся. Взгляд его при этом оставался холоден, глаза были прищурены. В этом человеке угадывался профессионал. Странно, что до сих пор Змею встречать его не доводилось. Впрочем, Карфаген был достаточно велик.

Мужчина небрежно протянул руку:

– Мориц.

– Змей, – машинально откликнулся посредник, пожимая сухую, крепкую ладонь своего спасителя.

– Знаю, – откликнулся тот. – За какого-нибудь Васю Пупкина я бы встревать не стал. Не хватало еще в какой-то гнилой дыре перо в бок получить за «здорово живешь».

– погоди. – Змей осторожно выпустил ладонь нового знакомого, отвел свою руку назад и едва не вытер о брезентовые брюки. – Так это не душевный порыв был – типа, спасти человека?

– Плевать я хотел на людей и их спасение.

– Ты знал, кто я?

– Разумеется.

– Мы знакомы?

– Не думаю.

Змей пристально вглядывался в это сухое лицо с непроницаемым взглядом. Мориц был такой неброской внешности, что и при желании запомнить его было бы трудно. Не лучшее качество для шоу-бизнеса, но неплохое для

определенного рода деятельности. Шоу-бизнес в Карфагене ограничивался сомнительными балаганами в торговых кварталах, прозванных Месивом, и этот тип не походил на дешевого комика. А вот его манера драться намекала как раз на другой род занятий.

– Не гадай, – поняв желание Змея вспомнить, где они пересекались, сказал Мориц. – Я видел тебя на фотографии.

– Я есть на какой-то фотографии? – вяло удивился посредник. – Интересно было бы взглянуть.

Мориц молча сунул руку за пазуху и извлек небольшой прямоугольник плотной бумаги, протянул спутнику, глядя ему в глаза.

На этот раз удивление Змея было куда более явным. Бумажный прямоугольник действительно оказался черно-белой фотографией, на которой Змей узнал себя, беззаботно бредущего в толпе. «Судя по всему, снимали где-то в районе Месива. Интересно, когда сделали снимок? – попытался разобраться посредник. – Похоже, еще до бегства из Центрального сектора из-за подставы властей. Больше года назад. Наивные были времена. Беззаботные. А эти гады уже тогда меня пасли».

– Надо же – настоящее... – замороженно проводя пальцем по глянцевой бумаге, проговорил Змей. – Фотоаппарата даже у авторитетов не видел. Небось такие штуки только у псов остались.

– У кого? – не понял Мориц.

– У блюстителей.

– А-а. Этого я не знаю, – равнодушно сказал мужчина. – Твое фото мне дали, чтобы я тебя нашел. И я это сделал, как видишь.

Лицо Змея застыло, тело напряглось, как перед дракой. Он сделал шаг назад, прикидывая пути к бегству, а заодно соображая, где этот тип прячет оружие. В том, что таковое имеется, он даже не сомневался.

– Кто тебя прислал? – сквозь зубы процедил Змей. – Неприкасаемые? Или... Директория? Да, ты не похож на неприкасаемого...

– Спокойно. – Мориц натянуто улыбнулся. – Я не работаю на Директорию. На группировки – тоже.

– То есть ты сам по себе? Решил снять деньжат за мою голову? Директория платит щедро – так и я могу цену задрать так, что у тебя пупок развяжется.

– Да ты не дергайся, – мужчина усмехнулся. – Твоя голова мне не нужна, да и заплатят мне больше, если ты сам не свернешь себе шею, прежде чем выслушаешь меня до конца.

– Внимательно... – медленно произнес Змей. – Только учти: вранье я кожей чувствую.

– Я в курсе – ты опытный посредник. Но сейчас суть не в этом. Ты должен пойти со мной.

– Должен?

– Поверь, хуже не будет.

– Это угроза?

Мориц сунул руки в карманы, иронично оглядел Змея с головы до ног. Поинтересовался:

– Ты видел себя со стороны? Оборванец без гроша в кармане, решивший проиграть последний фрам каким-то отморозкам. Я даже начинаю сомневаться: ты ли это – тот, про кого рассказывают все эти истории...

– Мне плевать, что там рассказывают.

– Тут я с тобой солидарен. Скажи лучше: чем ты так занят в ближайшие сутки, что не хочешь прогуляться со мной в одно интересное место. Где тебе гарантируют угощение, выпивку, чистую одежду. Может, даже фрамов

отсыплют. Я даже уверен в этом.

– Звучит как разводка для лохов.

– Согласен. Я бы тоже не поверил.

– Так кто тебя прислал?

– Некое частное лицо. Не спрашивай, кто именно – узнаешь на месте.

Какое-то время оба стояли, сверля друг друга недоверчивыми взглядами. Ситуация складывалась тупиковая.

– Так ты пойдешь? – устало спросил Мориц.

– Нет, – покачал головой Змей. – Последнее время я предпочитаю не ходить туда, куда ведут всякие заманчивые предложения. Обжегся.

– Я так и думал, – кивнул Мориц.

И резко вскинул руку. Змей зашипел, ощутив острую ноющую боль в шее. Машинально выдернул из нее что-то похожее на оперенный дротик.

– Извини, друг. – Мориц развел руками, в одной из которых был компактный блестящий предмет, напоминающий пистолет. – У меня нет времени на уговоры.

– Что это за дрянь? – прохрипел Змей, чувствуя, как шатнуло его тело и сознание заволело туманом.

Он попытался шагнуть в сторону Морица – воли хватило на один шаг. Мужчина предусмотрительно попятился, не выпуская посредника из поля зрения, и сказал:

– Не беспокойся, это не смертельно. Просто в ближайшие пару часов ты станешь очень послушным – так это вещество действует... Тихо-тихо! Не дергайся – покалечишься. Считаю, мы с тобой поиграем в одну веселую игру – в зомби. Я

буду тебе говорить – а ты делать.

Он еще что-то говорил, но Змей уже перестал что-либо понимать. Это было странное ощущение: он словно бы смотрел во внешний мир из глубины чужого тела, которое что-то делало, куда-то двигалось, но уже не подчинялось ему. Чуть позже в глазах у него потемнело – и он выпал из реальности.

Ощущение собственного тела вернулось внезапно, так же, как и способность осознавать происходящее. Он понял, что сидит где-то с закрытыми глазами.

Но открывать их он не спешил. На всякий случай. Вместо этого стал прислушиваться к ощущениям, ловить звуки и запахи.

Первое, что его удивило, – это то, что тело не болело и не ныло, как бывает, когда очнешься вдруг после запоя в незнакомом месте. Правда, имели место последствия недавнего избиения, но это не мешало ощущать странное блаженство соприкосновения с каким-то податливым материалом. Змей лежал не на бугристом полу туннеля, прислоненный спиной к шершавой стенке, как можно было ожидать после всего приключившегося с ним. Нет, его телу было непривычно удобно, словно его держало на руках мягкое облако. Было тепло, но при этом свежо и никакой затхлости, обычно царившей в бесконечных подземельях Карфагена и еще менее пригодных к жизни окрестностях.

Второе ощущение, поразившее уже слух, – музыка. В глубинах подземелий еще не забыли старых песен, да и новые появились. Истлевшие гитары со сгнившими струнами умельцы заменили кустарно изготовленными новыми, а мятым духовым так вообще ничего не сделалось, из-за чего в притонах и борделях преобладали вариации на тему древнего как мир, но всегда гармонирующего с алкоголем стиля «ска». Главное же во всем этом – преобладание живой музыки. Записи на электронных носителях – вроде флэш-памяти и жестких дисков – оказались наименее долговечными, при том что большая часть их сгинула вместе с носителями во время электромагнитных импульсов, сопровождавших ядерные взрывы. Драгоценные оптические диски и кассеты – вообще не в счет. Ну а то, что все еще работало, оставалось уделом избранных, играло лишь в дорогих заведениях по особым случаям да в роскошных норах авторитетов из числа неприкасаемых. Были такие игрушки и на элитных уровнях. Но рассказы про них для серого большинства оставались легендами.

Сейчас звучало что-то тихое, мягкое, но в то же время пульсирующе-ритмичное. Такой музыки Змей никогда не слышал, и она заворожала его глубиной и естественностью. Это не могло быть живое исполнение – такое качество звука было бы невозможно выжать из грубых инструментов, сохранившихся от мира до Катастрофы.

Но больше всего поразил даже не этот волшебный, рассыпающийся хрустальными каплями звук.

Аромат. Изумительный, ни на что не похожий и невыразимо приятный, он заставил посредника вздохнуть полной грудью. Из недр памяти всплыло название этого легкого, щекочущего ноздри запаха: духи. Танцовщицы из развлекательных заведений Центрального уровня пользовались духами – но насколько жалки были те резкие, примитивные амбре, отчаянно стремившиеся забить окружающую вонь. А этот настолько контрастировал с привычными тяжелыми запахами туннелей, что Змей не удержался.

И открыл глаза.

В первое мгновение он подумал, что умер от побоев и очнулся в раю. Слишком неожиданным оказался исход последних тяжелых дней. Мягкое освещение, гладкие, казавшиеся прозрачными стены, музыка, аромат...

И та, что глядела на него спокойным, чуть любопытным взглядом.

Он видел красивых женщин. Слава богу, Карфаген успел укрыть в своих недрах довольно разнообразный генофонд. И пусть самые привлекательные девчонки разменивали свою красоту на звонкий вольфрам – красота она и под землей красота. И лучше всех была его Тана. Черт возьми, как же давно он ее не видел... Жива ли она вообще?

Змей поймал себя на том, что не может вспомнить ее лицо. Может, из-за действия проклятого препарата, но скорее всего – из-за этой женщины. Она ослепляла, заставляя забыть всех, кого он видел прежде. Светлые волосы, бархатная кожа, огромные синие глаза с бездонным, как затопленные шахты, взглядом. Лицо точеное, ни единого изъяна, как бывает у многих от плохого питания, дрянной воды и отравленного воздуха. Молодая. Она была словно из другого мира – того, что остался в ином времени и пространстве...

– Вы – ангел? – с хрипотцой спросил он.

Звук собственного голоса убедил Змея, что он все еще жив. Закашлялся в кулак, чуть подавшись вперед. Теперь стало понятно, что он сидит в глубоком кресле из натуральной кожи, с откинутой спинкой и подставкой для ног. Можно было подумать, что этот невероятный предмет мебели сделали специально под его фигуру, настолько удобно было в нем тому, кто привык к грубым сиденьям из камня и рассохшегося дерева.

Девушка рассмеялась – тихо и шелестяще. Произнесла низким бархатистым голосом:

– Кто угодно – только не ангел. Но спасибо за комплимент.

От звука ее голоса Змей окончательно пришел в себя. Хоть голос был волнующий, как и все в незнакомке, он точно принадлежал живому человеку.

– Где я? – оглядевшись, спросил Змей. – Странное место.

– Почему? – Девушка удивленно подняла брови.

– Ну, как... Чисто, богато так. Я такого не видел, хотя у крутых бандитов бывал. И музыка эта...

Он смутился, поймав взгляд собеседницы. Посредник вдруг понял, что та просто не понимает, о чем он говорит. Она действительно была из другого мира – пусть даже этот мир и находился в глубине горного массива, как и весь Карфаген. Змей вдруг перестал ощущать удобство этого чудного кресла, заерзал, пытаясь подняться. Это оказалось не так просто.

– Вставать необязательно, – улыбнулась незнакомка. – Может, хотите выпить?

– Не помешало бы, – пробормотал Змей. – А то в голове гудит.

Девушка поднялась с мягкого пуфика напротив. Слово-то какое – «пуфик». Откуда он вылезло в мозгу? Что-то полузабытое, из детства...

– Пожалуйста. – Девушка протянула гостю стакан, придерживая отворот своего необычного одеяния. «Халат, что ли? – подумал Змей. – Шут его разберет».

Стакан был тяжелый, с толстым дном. Настоящий, стеклянный. Даже какой-то нестандартный, с хитрыми гранями. По всему видать – дорогая вещь. Как, впрочем, и все в этом интерьере, наполненном непонятными, но удивительными и красивыми предметами. И ее рука – тонкая, но не худощавая, а такая, как надо, чтобы сами собой потекли слюни. И маникюр – не чета когтям шлюх из душных притонов.

Змей торопливо пригубил из стакана и даже не удивился, ощутив обжигающе приятный вкус неизвестного напитка. Похоже, коньяк, хоть и не было уверенности – ведь он никогда не пробовал настоящего коньяка.

От пары глотков Змея заметно повело. Он виновато усмехнулся:

– Теперь встать будет еще труднее. Чего-то я окосел с голодухи.

– Ой, надо было вам предложить перекусить, – спохватилась девушка. – Сейчас устрою.

– Спасибо, но сначала хотелось бы узнать, для чего я здесь? – Отчаянным рывком он все-таки умудрился выбраться из ласковых лап кресла. – Кто и зачем так хотел со мной встретиться, что притащил сюда мое бесчувственное тело?

Он встал у кресла, придерживаясь за спинку, чтобы позорно не грохнуться на глазах этой особы. Окинул молодую женщину с ног до головы пристальным взглядом. Произнес:

– Уж не вы ли?

Не сходявшая с лица незнакомки полуулыбка застыла. В глазах красавицы мелькнула какая-то мысль, улыбка стала чуть шире.

– Давай позже, хорошо?

Неожиданный переход на «ты» вместе с новой, волнующей интонацией и мягким прикосновением заставил невольного гостя на время прикусить язык. Особенно, когда мягкая, но властная ладонь взяла его за запястье и потащила в соседнюю комнату.

Черт возьми, это была не комната – это был какой-то роскошный зал с мягкой подсветкой, плетеной мебелью и – внимание! – самым настоящим бассейном по центру! Здоровенным, метров пять на шесть, не меньше, глубоким, наполненным кристально чистой водой, со стенками и дном из сверкающей лазурной плитки. Тоже, кстати, подсвеченным откуда-то снизу. Плавательные бассейны Змей видел только на картинках в древних потрепанных журналах, он и представить себе не мог, чтобы такая роскошь сохранилась хоть где-то после Катастрофы. Даже авторитеты с полными чемоданами вольфрама не могли себе такого позволить – их просто не поняли бы простые неприкасаемые, знавшие цену чистой воде. Здесь же было воды достаточно, чтобы год поить бригаду рабочих молибденовой шахты средних размеров.

От бассейна, впрочем, его внимание отвлек небольшой стол, плотно заставленный закусками. Здесь было лучшее, что могли предложить подземные фермы. Змей, конечно, подозревал, что в дальних секторах выращивают что-то, о чем не рассказывают простым смертным, но даже подумать не мог, что кому-то в Карфагене доступна вымершая, как считалось, клубника и вот эти крупные черные ягоды, название которых он даже не знал.

Его, правда, больше привлекло тонко нарезанное вяленое мясо – определенно, не крысытина. И воздушный, почти настоящий хлеб. Последовав молчаливому приглашению хозяйки этой «пещеры сокровищ», Змей так же молча и сосредоточенно съел некоторое количество здешних деликатесов и остановился, с трудом подавив стремление набить брюхо до отвала. Не хотелось заблевать с непривычки это красивое место или, чего доброго, помереть от заворота кишок. После возвращения, считай, с «того света» это было бы глупо.

Девушка наблюдала за ним, устроившись в низком плетеном кресле. В руках у нее был изящный бокал, и она взглядом указала на него гостю.

«Понял, не дурак», – мелькнула в голове банальная фраза. Змей взял со стола бутылку, уже не думая, откуда она здесь – из старых ли запасов, еще со времен катастрофы, или где-то в аграрных секторах уже научились делать изысканные напитки для избранных. Он просто плеснул в бокал ей, себе. Присел рядом на

край такого же плетеного кресла. Пригубил, ощущая себя неловко и странно. Непривычный вкус – коньяк ему нравился больше. Отпил еще, чтобы привести в порядок мысли. Девушка неожиданно осушила бокал залпом – и он сделал так же.

Произнес, чтобы не затягивалась неловкая пауза:

– Хорошее вино... Так что я здесь делаю?

Хозяйка не ответила. Отставив бокал на стеклянный столик, она легко поднялась и подошла к краю бассейна. Оглянулась на гостя – и сбросила свой тонкий халат. Змей невольно приподнял бровь – на большее не хватило онемевшего от забытой расслабленности лица.

На девушке не было ничего, кроме этого мягкого света, который словно ласкал и облизывал ее гладкую кожу. Красавица словно светилась в переливах бликов от поверхности воды. Странно поглядев на Змея, она коснулась рукой блестящего металлического поручня и скользнула в воду. Тихо погрузилась и так же беззвучно вынырнула у бортика.

– Чего ты сидишь? – чуть улыбнувшись, проговорила она. – Вода такая приятная. Иди сюда.

Бокал в руке Змея предательски треснул. Что было дальше, он помнил смутно. Одно не вызывало сомнения: финал этого долгого пути сторицей компенсировал все невзгоды.

Хозяйка бассейна и вправду оказалась не ангелом, хотя это уже философский вопрос и зависит от того, как смотреть. Змей смотрел положительно, потягивая хмельной напиток в плетеном кресле, которое уже успело стать привычным. Удивляло только, почему девушка поторопила его одеться побыстрее – куда спешить после того, что между ними было?

Ответ не заставил себя долго ждать.

Хозяйка куда-то исчезла, зато перед слегка ословевшим взглядом посредника возникла полноватая фигура в строгом костюме, с трудом удерживавшим парой

пуговиц норовившее вывалиться брюхо. Лицом вошедший напоминал придавленную жабу, нездоровый зеленоватый цвет кожи лишь подчеркивал довольно отталкивающий образ. При этом человек пытался изобразить приветливую улыбку, которая неуловимо напоминала выражение брезгливого отвращения, с которым он смотрел на сидевшего перед ним гостя. Своим дурацким видом незнакомец не вызывал добродушной насмешки – он словно излучал грозную волну власти.

Змей невольно поднялся с кресла. Вошедший сделал небрежный знак: «сиди!». И сам грузно опустился в кресло напротив.

– Я полагаю, вы и есть тот самый Видящий по прозвищу Змей? – брезгливым, чуть утомленным голосом поинтересовался он.

– Думаю, что да, – отозвался посредник. – Так это вы...

– Да, это я вас искал. – Человек взял со столика чистый бокал, брезгливо поглядел в него и зачем-то протер края. Плеснул воды из графина. Достал из внутреннего кармана жестяную коробочку, открыл, высыпал на ладонь пару таблеток, закинул в рот и запил водой из стакана. Снова поглядел на Змея. – Вижу, у вас есть вопросы. Не трудитесь, я все объясню. Можете пока отдыхать, угощаться...

Угощаться уже не хотелось, но Змей машинально взял с блюда какую-то ягоду, закинул в рот, пожевал, не чувствуя вкуса, не отрывая при этом взгляда от нового собеседника. «Вот же, как в жизни бывает: то годами бьешься в закрытые двери, пытаешься привлечь к себе хоть чье-то внимание, то перед тобой выстраивается очередь стремящихся тебя куда-то затащить, накормить, рассказать и все такое прочее», – подумал посредник.

– Вы меня не знаете, – заговорил мужчина чуть надменно, не давая усомниться в его превосходстве над собеседником. – Достаточно того, что я занимаю высокий пост в Директории. Назовем меня условно – Заместитель. Или короче – Зам.

– Ваш человек сказал, что меня разыскивает частное лицо, – заметил Змей. – Уж не знаю, чей вы там заместитель, но...

– Он не солгал. – Зам поднял вверх толстый указательный палец, доверительно подался вперед. – Я имею возможности пользоваться ресурсами Директории, но сейчас говорю с вами именно как частное лицо. Поэтому и нанял стороннего человека для поисков. Вы понимаете, о чем я?

– Честно говоря, не очень.

– Мне бы не хотелось, чтобы наш разговор стал известен за пределами этих апартаментов. Впрочем, теперь это нам уже не грозит...

Последняя фраза не понравилась Змею, заставив его напрячься. Похоже, ласковый прием не предусматривал возможность выбраться отсюда на свободу, если не хуже. Однако он пока никак не выразил свои опасения.

– Мне известно о вас многое, – продолжал Зам, отдуваясь и расстегивая пуговицы пиджака. Освобожденный живот, наконец, расслабленно растекся по толстым бедрам, его обладатель удовлетворенно крикнул. – И главное – это то, что, вопреки запрету, вы побывали на поверхности...

– Хочу напомнить, что это была инициатива Директории, – заметил Змей. – Это вы меня вынудили.

– Во-первых, не я, а другое ведомство. Во-вторых, вы нарушили инструкции, убили наших военных...

– Я не убивал ваших военных. Они виноваты сами – попали в «дыхание смерти».

– Это не важно, – нетерпеливо оборвал его хозяин.

– А что тогда важно?

– То, что вы достигли подножия Запретной Горы. Будем называть вещи своими именами – вы побывали на склоне Эльбруса.

Змей ответил не сразу. Перед глазами снова всплыли бесконечные серые стены ледника, к глубине которого они, задыхаясь, двигались вверх, все выше и выше, и, казалось, не было конца этому кошмарному пути. Пока, наконец, не

показалось небо... Нет, небо показалось не просто так – за него заплатил своей жизнью Полковник, взорвавший себя вместе с газовым конденсатом и целой толпой обезумевших от наркотических испарений людей.

И солнце. Ослепительное, фантастическое, невероятное на фоне глубокого, как морская бездна, синего неба. Он никогда не видел моря, но теперь представлял его именно таким, как это небо.

Это было совсем недавно, но казалось, с тех пор прошла вечность.

– Я побывал не на склоне, – проговорил Змей. – Я побывал на вершине. Во всяком случае, в седловине между вершинами.

Собеседник удовлетворенно крякнул:

– Значит, информация подтверждается. И теперь я бы хотел знать точно: там, наверху, можно жить? Дышать продолжительное время, не опасаясь заражения или смертельного обморожения?

– «Дыхание смерти», – кивнул Змей. – Такое бывает у подножия хребта. Там, наверху, все иначе. И да – там можно жить. Несмотря на разряженную атмосферу, холод и ветер. Можно спуститься по леднику – и дышать станет легче. Главное – сам факт того, что жизнь на поверхности снова возможна.

– Это я и хотел услышать, – медленно произнес Зам. Он выглядел взволнованным, нервно облизывал губы. – Это и хотел...

– Одного я не понимаю: зачем надо было тащить меня сюда силой? – Змей пожал плечами. – Я не собирался скрывать эту информацию. Я нарочно шел в центр, чтобы рассказать это всем, кого встречу. В Центральном секторе у меня есть знакомые, которые быстро бы донесли мои знания до всех и до каждого...

– Именно поэтому и понадобились услуги такого специалиста, как Мориц, – сказал Зам. – Мне не надо, чтобы сведения о вашем путешествии расползлись в толпе. И точно так же не надо, чтобы эту информацию получил кто-то из руководства.

– Я не понимаю...

– Скоро поймете.

– Все равно факт нашей экспедиции не скрыть, – насупился Змей. – В конце концов, вы же понимаете: я не один в ней участвовал.

– Разумеется, я учел это обстоятельство, – Зам кивнул. – Мориц уже занимается поиском ваших друзей.

– Зачем?

Змей похолодел, осознав, что происходит: «Этот гад хочет зачистить свидетелей. Значит, дело еще серьезнее, чем я представлял. И даже апеллировать не к кому, если этот хмырь скрывает встречу от собственного руководства. Странно, что он так рискует, оставшись наедине с незнакомым ему человеком. Видимо, уверен, что я не сверну ему шею на всякий случай. Или просто не понимает, с кем имеет дело».

– Я вижу, вы прикидываете, как меня прикончить? – Зам криво улыбнулся, с любопытством разглядывая Змея. – Это неразумно. Отсюда вы не выйдете живым – на выходе охрана, да и весь уровень контролируется. К тому же у меня есть хорошее предложение, так что советую все-таки дослушать меня до конца.

– Я слушаю, – сухо сказал Змей.

– Вот и замечательно. Итак, известные вам новые сведения о внешнем мире должны остаться между нами. Только вы и я. Ну и узкий круг тех, кому мы доверяем. Вы уже успели познакомиться с моей женой?

Змей, как в дурном сне, рассматривал эту сногшибательную красотку, которая стояла теперь у спинки кресла жабоподобного Зама, обняв того за шею и целуя его в дряблую щеку. При виде этих театральных нежностей гостя чуть не стошнило. А когда он вспомнил, что они только что вытворяли с ней в бассейне, перед глазами поплыли темные пятна.

– Не успел, – деревянным голосом произнес Змей. Кашлянул в кулак. – Не совсем...

– Диана, – глядя ему в глаза, томно произнесла девушка.

«Вот, значит, как. Диана».

– Дорогая, ты знаешь, кто это? – поглаживая ее нежную руку, самодовольно произнес Зам.

– Кто? – не моргнув глазом, спросила девушка.

– Это Змей. Помнишь, я рассказывал о нем? Видящий.

– Не может быть, – вполне убедительно удивилась Диана. – Тот самый Видящий?

Она смотрела гостю прямо в глаза бесстыжим взглядом, от которого даже издавшему виды неприкасаемому стало не по себе. Змей отвел взгляд.

– Расскажите, как это – быть Видящим? – с естественным любопытством, без тени фальши спросила Диана. – Что вы видели такого, что сбылось в реальности? Это ведь вроде пророчества?

– Не совсем, – пробормотал посредник. – Здесь никакой мистики. Это что-то вроде последствий неудачного эксперимента...

– Дорогая, у нас еще будет время поговорить на отвлеченные темы, – негромко, но с нажимом сказал Зам. – А пока оставь нас наедине.

Девушка молча убрала руку с плеча мужа и ушла, сверкнув напоследок взглядом. Змей ощутил некоторое облегчение: черт его знает, что за нравы царили на элитных уровнях; вроде тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо, но как-то...

– Дело вот в чем, – немного помолчав, продолжил Зам. – Я владею некоторой информацией, которая не станет всеобщим достоянием, пока все не случится...

- Что именно? – проговорил Змей, ощутив, как сердце пропустило удар.
- Не вдаваясь в подробности – скоро в нашей уютной норке станет тесновато.
- В ней и так тесновато. К тому же не для всех эта «норка» настолько уютна, как для вас и вам подобных.
- Будет хуже, – сказал Зам. – В том числе и «нам подобным».
- Я уже в курсе про черную воду, беженцев, заговоры, подавление бунтов и все такое. И про планы загнать недовольных в стойло мне тоже известно. Полковник рассказывал, земля ему пухом...
- Тому, кого вы называете полковником, была известна лишь часть информации, – покачал головой Зам. – Масштабы проблемы иные... Впрочем, подробности сейчас ни к чему. Важно лишь то, что имеющий информацию получает преимущество.
- В чем?
- В спасении.
- Все настолько плохо?
- Да. Карфагену конец.

Хозяин помолчал, давая гостю время осознать услышанное.

- И чем тут могу помочь я? – спросил Змей, хотя уже понял, куда гнет этот тип. Он решил, что Зам малость сгущает краски.

Человек-жаба оживился, подался вперед. Видимо, он давно ждал этого вопроса, и у него был готов развернутый ответ:

- У меня есть план. Ты не подумай – я не трус, не какая-нибудь конченная сволочь, которая думает только о себе. Ты даже не представляешь, сколько сил я

положил на благо Карфагена, скольким людям помог...

«Ну, конечно», – мрачно подумал Змей.

– ... Но проблема в том, что всех не спасти. Понимаешь? Мой план годится лишь для спасения группы из нескольких человек...

– ... с вами во главе, – вставил Змей.

Сам же недоуменно подумал: «Спасение? От чего?»

– Разумеется! – обиженно фыркнул Зам. – А кого я должен спасать, кроме себя и близкого мне человека?

– Это вы сейчас про жену? – уточнил Змей.

– Да, про Диану. План такой: группа доставит на поверхность все необходимое для выживания. Что именно – тут потребуется твоя консультация – тебе ведь так или иначе идти с нами... Ничего, что я на «ты»? Между нами должны быть доверительные отношения.

– А куда вы собрались? – с любопытством разглядывая Зама, поинтересовался Змей.

– Как куда? – Хозяин изумленно вытаращился на посредника. – Туда, на вершину! Где чистый воздух, где можно жить. Хотя бы какое-то время. Ведь это путешествие не выдумка, я надеюсь? Если так – нам всем крышка.

Змей едва не рассмеялся в лицо этому богатому фантазеру. Но сдержался, подумав, что определенный резон в таком подходе имеется. «Если этот тип не преувеличивает степень угрозы, нависшей над подземным убежищем, то единственное место, где можно выжить, – там, ближе к вершине. Да, там тяжело дышать, там нет ничего живого. Но при хорошей организации, при достаточных запасах, с подготовленной и вооруженной группой выжить можно и там. А возможности у Зама, похоже, имеются. Есть, конечно, еще и Хрустальный город. Но там враги».

Зам напряженно смотрел на Змея, и, заметив его колебания, оживился:

– Послушай, всю организацию я беру на себя! Еда, топливо, оружие, амуниция, одежда – все, что потребуется, по твоему списку. Приборы, какие нужны для ориентации, связь. От тебя требуется только одно: провести нас из пункта «А» в пункт «Б»

– Это все, конечно, здорово, – медленно проговорил Змей. – Но меня интересует другое. Мои друзья.

– А что – друзья? – насупился Зам. – Я предлагаю тебе жизнь, будущее...

– Мне показалось, вы в свое будущее хотите взять того, кто вам дорог. У меня тоже есть такие люди. Если им будет грозить опасность, я даже разговаривать дальше не буду.

– Хорошо, мы что-нибудь придумаем.

– А я уже придумал. Они пойдут с нами. Конечно, если я соглашусь на ваши условия.

Хозяин заерзал в кресле. На его лице сменяли друг друга противоречивые чувства. Понять этого борова было легко: одно дело контролировать единственного проводника, пусть даже с очень сомнительной репутацией. Совсем другое – иметь дело с целой группой, контролировать которую не в пример сложнее. Не то чтобы Змей действительно принял всерьез этот безумный план. Но...

Он просто тянул время.

– А не много на себя берешь? – насупившись, поинтересовался Зам. – Не то у тебя положение, чтобы ставить условия.

– А по мне – так вполне себе то самое, – криво улыбнулся гость. – Не я за вами по Карфагену бегал, а ваш человечек – за мной. Мне вы на хрен не сдались, а вот вам без меня туго придется.

Поймав взгляд наливающихся кровью глаз, посредник решил сбавить градус, неуверенно заерзав на своем месте и повесив на лицо виноватое выражение. Пробормотал:

– Мне бы отойти ненадолго. Чего-то живот прихватило от всего этого. Где тут у вас...

Он сделал неопределенный жест в воздухе.

Зам хихикнул, указал:

– Туалет там. Да ты не дрейфь, я понимаю твои сомнения. Поверь, я все продумал. Время подготовиться у нас еще есть. Правда, не очень много...

Толстяк говорил еще что-то, но Змей уже не слушал. Никакой живот у него, разумеется, не прихватывало, дристать от страха – не его тема. Надо было бросить кость этому павлину, чтобы он мог полюбоваться собой на фоне слабого противника – классический способ запудрить мозги и подготовить выгодную для себя ситуацию.

Но думал он о другом. Точнее – о других.

О сестренке, своей маленькой Ксю. О ней должен был позаботиться Игнат, но теперь он сам нуждался в защите.

Об Игнате, которому предстояло вернуться в свое подразделение. Наверняка ему будет непросто доказать, что он не предатель интересов Директории, что он не нарушал присягу.

О Тане.

«Черт... Какой же я скот – совсем забыл о ней, плескаясь в бассейне с незнакомой красоткой». Хотя между ним и темнокожей танцовщицей не было никаких обязательств, но, похоже, возникло что-то большее, чем просто слова. И теперь Змею было невыносимо стыдно – что-то новенькое в жизни неприкасаемого, привыкшего к связям «на раз», не считающего нужным даже спрашивать имя партнерши. Тана возникла перед глазами, как возникали

прежде его пророческие «видения». Она смотрела на него даже не с укором – с такой свойственной ей полуусмешкой, эдакой улыбкой Сфинкса.

«Нельзя дать этому гаду реализовать свой безумный план, – решил посредник. – Нужно вывести, в чем суть надвигающейся на Карфаген беды, – и донести информацию до всех его обитателей. Но как это сделать? Надо подумать».

– Я сейчас, – болезненно скривившись, пробормотал Змей.

Вылез из своего кресла и театрально засеменил, куда показал Зам. Быстро нашел туалет, скользнул внутрь. Как и все здесь, туалет напоминал дворец в миниатюре. Сверкающий кафель, душевая в углу, зеркала... «Зеркала, черт возьми! – обалдел Змей. – Чтобы всех эти уродов из Директории подземные черти побрали...»

Он сунул голову под кран с холодной водой, постоял так немного, отключив мозг. Глупо было бы рассчитывать на гениальную идею. Его загнали в угол, и, видимо, настал момент сыграть в поддавки.

Чьи-то пальцы коснулись его спины, и он едва не разбил себе голову о кран от неожиданности. Подняв взгляд, сквозь стекающие со лба струйки воды увидел в зеркале знакомую фигуру.

– Диана? Что ты здесь...

– Тс-с... – Она прикрыла ему рот ладонью. Прижалась к нему всем своим гибким телом, обвила свободной рукой. Убрав пальцы от его рта, впилась в него горячими пухлыми губами. Несколько секунд гость не мог сопротивляться, будто парализованный змеиным ядом. Затем все-таки нашел в себе силы избавиться от сладких, но слишком назойливых объятий.

– Ты что? – простонала Диана. – Не бойся, он не увидит.

– Ты не сказала, что замужем, – хрипло проговорил Змей.

– А тебя это когда-то останавливало?

– Не в этом дело... – посредник запнулся.

– Я знаю, в чем дело, – улыбнулась девушка – на этот раз натянуто и криво. – Дело в той черной шлюхе из стрип-куба? Не делай удивленное лицо – я все знаю. И готова забыть о ней. Только будь хорошим мальчиком...

Она снова прильнула к нему, но на этот раз Змей ловко выскользнул и быстро направился к двери, пробормотав:

– Извини...

– Ты пожалеешь об этом! – крикнула вслед Диана. – Слышишь меня?!

Он вернулся к бассейну еще быстрее, чем убегал. В голове тупо звенела мысль: эта семейка угробит его еще до того, как он даст ответ на предложение Зама, которое больше смахивало на ультиматум.

И почему-то вместо этой злой красавицы перед глазами возникла гибкая фигура темнокожей девушки, исполнявшей танец за стеклом стеклянного куба, каких немало было в бескрайних торговых рядах Месива. Такой он впервые увидел Тану, и вытеснить ее из его памяти не смогли бы самые роскошные женщины, оставшиеся на этой изуродованной ядерным огнем планете.

Посредник рухнул в кресло перед Замом, плеснул себе, не спрашивая, в стакан из бутылки чего-то крепкого. Выпил залпом под внимательным взглядом толстяка. Уставился в глубину стакана, будто там мог найти решение этой запутанной ситуации.

– Ну, что решил? – нетерпеливо спросил Зам.

Змей медленно взял из вазы виноградину или что-то в этом роде – он давно забыл, как выглядят фрукты. Бросил в рот, стал жевать, не чувствуя вкуса. Тянуть время становилось все сложнее.

– Я еще не решил, – проговорил он. – Тут надо вот еще что обдумать...

Он замолчал, наблюдая, как к креслу Зама возвращается Диана.

– Обдумать можно и даже нужно, – благосклонно кивнул боров. – Только решать надо быстро. Тут вот еще какая проблема...

Змей так и не узнал, какая проблема беспокоила этого могущественного человека. Батарею бутылок среди роскошных закусок на столике обильно обрызгало кровью вперемешку с мозгами. Только после этого до сознания обалдевшего посредника долетел звук выстрела.

Голова Зама с зияющей кровавой дырой вместо глаза запрокинулась назад – туда, где с пистолетом в руке стояла Диана.

– Давно мечтала сделать это, – глухо сказала она.

Это зрелище дорогого стоило. Сверкающее хромом, с тонкой инкрустацией штучное оружие в карающей руке безжалостной языческой богини. И принесенная в ее честь жертва.

Ледяная красота смерти.

Полгода назад Змей бы вскочил, выхватил из рук девушки пистолет, стал бы лихорадочно соображать, что делать, куда бежать. Он был человеком действия и всегда знал, как поступить, чтобы минимизировать проблемы. Но с тех пор произошло слишком много всего в его жизни, и на дымящуюся дыру в чужой голове он смотрел с отрешенным видом. Даже сердце не стало биться чаще. Хотя нельзя было сказать, что произошедшее его совсем не удивило.

– Ты... Убила своего мужа, – тупо сказал он.

– Нет, – пронзительно глядя ему в глаза, прошипела красавица, – это ты убил его.

– Что ты несешь?!

– Ты влез к нам в дом, и муж встал на мою защиту. А ты его предательски грохнул в затылок. Если ты думаешь, что блюстителю поверят тебе, а не мне – то ты ошибаешься.

– Ты спятила... Зачем ты это сделала?

– Теперь у тебя нет выбора, – жестко, но с пробивающейся в голосе дрожью продолжала девушка. – Или ты будешь со мной, или тебя затравят, как собаку.

– Да меня теперь затравят в любом случае. Идиотка чертова...

– Я спасу тебя! Я знаю все планы мужа, я сама занималась организацией. Мы уйдем вместе в твой светлый снежный мир...

Теперь в ее голосе появилась странная мечтательность, что в совокупности с трупом Зама и пистолетом в руке создавали дикое, сюрреалистическое впечатление.

– Я в курсе всех его дел, я лично собирала группу для экспедиции – мой муж должен был быть вне подозрений. Все уже подготовлено – не хватало только тебя. С тобой я готова пойти хоть на край света, как это ни пошло звучит. Веришь мне?

«Ни на йоту, шлюха», – мелькнула в голове посредника резкая мысль, от которой ему даже стало неприятно. Потому вслух сказал просто:

– Точно – сумасшедшая...

– Я была бы сумасшедшей, если бы согласилась отправиться в неизвестность с этим ублюдком. Он всегда был ничтожеством и даже не понимал этого. Думал, что его власть что-то значит там, за пределами Карфагена. Даже я, избалованная баба, понимаю, что любой мальчишка, умудрившийся выжить наверху, ценнее этого самовлюбленного борова.

– А со мной туда, значит, можно?

– Ты совсем другой.

– Да что ты про меня вообще знаешь?! Дура оранжерейная...

– Я видела тебя там, на двенадцатом уровне, когда ты произносил свои речи...

– Ты была на средних уровнях? Что ты там делала?

Диана растерянно моргнула, словно не зная, что сказать. С трудом произнесла:

– Я была у гадалки. У ясновидящей. Она предрекла мне тебя...

Перед глазами у Змея потемнело от ощущения нереальности происходящего. Трудно было поверить, что существуют еще такие вот оторванные от реальности дуры. Хуже всего было то, что эта дура – не такая уж дура. Бывает так: вроде и человек неглупый, а как ляпнет что-то, понимаешь – идиот.

– Твою мать... – процедил Змей. – Скажи, на элитных уровнях все такие?

– Какие?

– На голову больные! Теперь я понимаю, почему Карфаген катится в ад. Слышала такое: рыба гниет с головы?

Она смотрела на него спокойно, будто дурак в этой ситуации – он сам. Она просто давала ему выговориться – знала мужчин как облупленных: мужик поорет, поругается – и сделает так, как ей надо. Потому что она-то как раз все решила и его жалкий лепет просто списывала на стресс.

Когда он замолчал и уставился на девушку в ожидании ответа, она просто спросила:

– Поможешь спрятать тело?

Труп бросили в огромной морозильной камере, среди впечатляющих запасов замороженных продуктов. Змей мрачно отметил про себя: если бы голодные люди из дальних шахт увидели все это, обитателей элитных уровней порвали бы на куски. Последние, видимо, прекрасно понимали ситуацию, оттого и отделили себя от простых смертных мощными пластами горной породы, железными перемычками и сворой злобных, до зубов вооруженных псов – блюстителей.

– Его будут искать, – сплевывая, сказал Змей. – Не думала об этом?

Он брезгливо стирал кровь с рукава кожаной куртки, не понимая, зачем помогает этой безумной женщине. Наверное, где-то в глубине души чувствовал вину за то, что дал ей повод надеяться на взаимность.

– Формально он сейчас инспектирует дальние штольни, – сказала Диана. – Пока его хватятся, мы уже будем далеко отсюда.

– Ты, кажется, не поняла, – раздраженно проговорил Змей. – Нет никаких «мы». Есть ты и я. И теперь каждый будет решать свои проблемы самостоятельно. Не надо меня провожать – я найду выход.

Он неторопливо отправился по длинному коридору мимо подсобного помещения, где располагались кладовые и морозильные камеры. Апартаменты покойного Зама поражали размахом. Посредник примерно представлял себе, где находится выход, но еще не знал, как будет проходить через посты и кордоны. Главное – он хотел побыстрее сбежать от этой скучающей нимфоманки.

– Стой! – крикнула она. – Ты не можешь уйти вот так просто!

– Еще как могу, – не оборачиваясь, сказал он.

– Ты пожалеешь!

– Возможно.

– Я... Я... – она задохнулась от бешенства. – Я тебя уничтожу...

– Не стоит. Просто забудь меня.

Змей услышал за спиной характерный щелчок. Обернувшись, увидел во вскинутой руке девушки направленный на него дрожащий ствол пистолета. Сунул руку в карман и продемонстрировал ей ладонь со сверкающими полированными патронами.

– Как полагаешь, я стал бы надеяться на твою сдержанность после того, что видел? – усмехнулся он. – Наверное, ты привыкла замечать неудачи под ковер и начинать заново, а мне неохота быть неудавшейся страницей, которую порвут на кусочки.

– Я все равно достану тебя! – почти прорычала Диана. Она даже в лице изменилась, ее черты обострились, придав на секунду ей почти демонический вид. – Ты меня умолять станешь – но будет поздно!

Ему стало не по себе. «Похоже, я оскорбил не ту женщину. И она меня действительно не простит. С другой стороны – какие у меня варианты? Подкаблучником я отродясь не был и начинать не собираюсь».

Он молча развернулся и пошел дальше.

– Ты еще пожалеешь! – в интонациях девицы появилась мольба. Голос ее потерял пугающую металлическую жесткость. – Прости, я не хотела тебя обидеть. Прости, ну пожалуйста...

Змей слышал за своей спиной ее рыдания и понимал: властная красавица не забудет, что он стал свидетелем ее унижения и слабости. Но все это будет потом. Сейчас главным для него было выбраться из этого комфортабельного сумасшедшего дома.

Глава вторая

Специалист по особым поручениям

Мягкие звуки рояля убаюкивали. Мориц сидел с закрытыми глазами, наслаждаясь крепким ароматным кофе и живой музыкой. Такая возможность выпадала не часто – лишь в редкие моменты посещения «прайм-объема – в простонародье это называлось «элитными уровнями». Разумеется, его не пустили бы сюда просто так, по желанию. Сюда нужен был вызов – от тех, кто обладал такими правами. В этом крылось одно из преимуществ его профессии: специалист по особым поручениям был довольно востребован у элиты, а значит,

он мог иногда позволить себе посидеть в дорогом кафе, ловко притворяющемся «настоящим» – какие существовали лишь до Катастрофы. Как в агросекторе умудрялись выращивать кофе на гидропонике – он ума приложить не мог. Но, как говорится, кто платит – тот и заказывает музыку. Правда, крохотная чашечка этого прекрасного напитка стоила немалой доли гонорара, выплачиваемого заказчиком, но там, внизу, в «масс-объеме» не было ни настоящей музыки, ни настоящего кофе. Даже самые дорогие кабаки, облюбованные сравнительно состоятельными торговцами и главарями неприкасаемых, и близко не дотягивали до того, к чему привыкла «верхушка» Карфагена. Тут, конечно, претензий быть не могло: обитавшие здесь и устанавливали правила. Когда-то они руководили проектированием и строительством подземного убежища, потом решали, кто спасется, а кто останется по ту сторону створов – и сгорит в адском пламени мировой Катастрофы. И если какой-нибудь выскочка со дна жизни хотел хоть чуть-чуть прикоснуться к высшим благам – ему приходилось как следует вертеться в чужих интересах.

Мужчина высыпал на столик горсть монет, кивнул официанту, выправкой и белоснежной формой напоминавшему офицера парусного флота. Официант давно знал посетителя, но по-прежнему смотрел на него с чувством превосходства. Он понимал про Морица главное: тот чужак, плебей, вынырнувший на время из своей выгребной ямы. Этого проходимца, по мнению высокомерного работника заведения, следовало бы гнать отсюда – но кафе должно было держать марку. К тому же даже туповатому официанту было понятно: если человек при деньгах и находится здесь по приглашению – значит, не ему, прислужнику, проявлять инициативу. Поэтому единственным проявлением надменности с его стороны были презрительный взгляд и оттопыренная нижняя губа.

«Черт с ним, пусть кривит свои козьи морды, – лениво подумал Мориц. – Жаль только, нет времени посидеть подольше, наслаждаясь джазом. Этот тощий парень за роялем – просто виртуоз. Печально, но он станет одной из первых жертв разъяренной толпы, которая однажды ворвется сюда, сметая все на своем пути, вымещая обиду и злость за годы унижений».

Мориц не сомневался – так и произойдет. Но позже. А сейчас ему пора было заняться привычным делом.

Он шел по широкому, ярко освещенному туннелю, выполнявшему роль респектабельной улицы. Функционеры Директории жили со вкусом, искусно имитируя ту, «настоящую» жизнь. Здесь были целые кварталы аккуратных домиков и таунхаусов в английском, голландском, североамериканском стилях. Даже каменный свод, покрашенный белым и подсвеченный хитрой проекцией, имитировал настоящее небо. Здесь глаз радовали газоны, цветы, деревья. Тут можно было даже загорать под светом специальных ламп. Некоторые избранные жили здесь с самой Катастрофы, никогда не покидая своей рафинированной среды, и им могло показаться, что они вытащили счастливый билет, спаслись раз и навсегда.

Если бы они представляли, на какой громадной пороховой бочке расположился их хрупкий рай, настроение у них испортилось бы основательно. Однако здесь Мориц находился не ради прогулок по чудесным садам и бульварам. Каждый раз его путь лежал к воротам, ведущим вниз, к реальной жизни.

Ворота прятались в здании, имитировавшем железнодорожный вокзал. Была в этом какая-то ирония. Для местных это был путь в мрачную неизвестность, и многие на пушечный выстрел не приближались к привокзальной площади. Для Морица же это был единственный возможный переход из «мира мертвых» в «мир живых». Причем какой из этих противоположных миров был действительно живой, а какой лишь притворялся живым, у него самого вызывало вопросы.

– Документы! – потребовал рослый блюститель на входе.

Этот был в чине сержанта, в парадной форме, с лакированной кобурой на белоснежном поясе. Ни массивного травмата, ни наручников, ни баллонов со слезоточивым газом, как у рядового патрульного Центрального уровня. Ничто не должно было смущать изнеженный взгляд обитателя рая.

Мориц небрежно продемонстрировал жетон. На лице офицера появилось уважение – не к этому невзрачному человеку в сером плаще, а к тусклому металлическому предмету, обладавшему почти мистической силой. Хотя бы потому, что на его поверхности вместо обычной для документа фотографии было отчеканено, как на монете, лицо обладателя. С такой штукой можно было не бояться быть схваченным силами правопорядка. Но с тем же успехом можно было получить нож под ребро от случайного беспредельщика. Это был символ приобщенности к Директории, правда, все более обесценивающийся в последнее время.

– Проходите, – сказал сержант, и Мориц ступил в прохладный вокзальный полумрак.

Внутри величественной декорации все становилось на свои места. Здесь не было вокзальной суеты, да и не могло быть – просто потому, что станция «Карфаген» соединяла в себе и пункт отправления, и пункт прибытия, старт и тупик в одной точке. Это был мир, замкнутый в себе, живущий для себя, медленно переваривающий сам себя.

Однако подобие пригородной электрички имелось и здесь – транспортная узкоколейная нитка на пару уровней вниз, посредством которой элитные уровни снабжались всем необходимым для жизни. Но главное, что здесь было, – это мощные герметичные створы, изолировавшие стерильный воздух элитных уровней от зловония «основного объема» Карфагена.

Забавно: бронированные двери, за которыми пряталась Директория, были мощнее, крепче и защищались куда основательнее, чем створы внешние, на границе Карфагена с Верхним миром. Видимо, власть имущие очень ценили любовь и доверие народонаселения гигантского подземного убежища. Как говорится, знает кошка, чье мясо съела.

Широкие туннели, ведущие к шлюзам, были изломаны зигзагом – с тактической точки зрения это не давало вести обстрел с внешней стороны или разогнать как следует гипотетическую машину со взрывчаткой. Кроме того, здесь имелись многочисленные скрытые бойницы и вполне заметные бетонные ДОТы, основные и резервные казармы. Не было танков, как на внешнем контуре, но имелась пара джипов с боевыми модулями. И не было ни одной точки, которая не просматривалась бы вездесущими патрулями.

Все это оборонное изобилие рождало главный вопрос, ради которого специалист по особым поручениям сюда и явился. В очередной раз предъявив жетон, пройдя обыск и сдав оружие, он вошел в хорошо охраняемое помещение, заполненное самыми настоящими видеомониторами, перед которыми замерло несколько операторов в форме. Отсюда велось наблюдение за основными секторами, где были установлены и все еще функционировали камеры наблюдения.

Морица не интересовало положение дел в Месиве или в аграрных секторах. Ему было интересно, как через это мелкое сито из военной техники, солдат и камер

наблюдения незаметно выскользнул наружу самодовольный выскочка по прозвищу Змей. В этой истории Морица особенно задевало, насколько легко были разрушены результаты его личных усилий. Такие долгие поиски – и такое пренебрежительно легкое бегство. Досадно.

Впрочем, так или иначе, за свою работу специалист получил причитающийся ему гонорар. И теперь также действовал не по своей инициативе: беглеца надлежало вернуть заказчику. Но следовало признать: личный мотив как нельзя лучше помогает работе. Он собирался поймать прыткого наглеца и притащить обратно. Особенное удовольствие доставляла охотнику достойная дичь – а Змей, несомненно, был достойным соперником.

– Нужны записи за последние сутки, – небрежно демонстрируя жетон, сказал Мориц. – И не надо лишних вопросов – иначе начальство начнет задавать вопросы вам самим: как вы умудрились проворонить чужака, который прошел через ваш непреступный кордон, как вода сквозь пальцы?

Они прошерстили все записи – с нулевым результатом.

– А он точно покинул уровень? – продолжая проматывать бесконечную ленту видеоряда, осторожно спросил белобрысый прыщавый оператор. – По крайней мере, на записях ничего похожего нет. Створы приоткрывались при доставке груза – но только на прием. Возвращался патруль, опять же, на территорию. Вовне никто не выходил.

– Странно... – проговорил Мориц, внимательно вглядываясь в изображение на ближайшем мониторе. – А мог он как-то обмануть камеры?

Оператор странно посмотрел на требовательного посетителя, пожал плечами:

– Может, вы подскажете, каким образом?

– Например, отключил камеры на какое-то время.

– Он специалист по электронике?

– Он Видящий.

Мориц кожей ощутил, как в него впились взглядами все, кто находился в тесном помещении операторской. Видать, слава этого парня просочилась и в это «чистилище» на границе «рая и ада».

– Ладно, – произнес Мориц. – Есть ли еще какие выходы за пределы «прайм-объема»? Наверняка должны быть запасные ходы.

– Если вы про них не знаете – откуда чужаку? – нервно усмехнулся соседний оператор.

– Ну, если он действительно Видящий... – подал голос еще один.

– Он Видящий, но при этом вполне себе обычный человек из плоти и крови, – веско сказал Мориц. – Давайте, включайте мозги. Может, через вентиляцию ушел?

– Вентиляция прайм-уровня изолирована от основного, – возразил прыщавый. – Как и мусоропровод, если вы хотели просить и об этом.

– Хотел, – буркнул посетитель. – Не мог же он сквозь стены просочиться?

– Мог, – негромко произнес женский голос.

– Что? – оглянулся Мориц. – Кто это сказал?

– Лейтенант Агоева, – ответила плотная смуглая девушка, которую поначалу Мориц принял за парня. – У нас есть водосброс.

– А разве это не секретная информация? – пробормотал кто-то.

– Что за водосброс? – быстро спросил Мориц.

– Молчать! – процедил прыщавый.

– Тебе еще раз жетон показать? – поинтересовался у прыщавого специалист. Кивнул девушке. – Говорите!

– Подземная река, – сказала та. – Она течет вдоль дальней набережной и уходит в толщу горы. Снова появляется на поверхности где-то на нижних уровнях. Там вода используется для охлаждения реактора.

– Нарушитель мог уйти рекой?

Операторы молчали, переглядываясь.

– Да, ну... – произнес, наконец, прыщавый. – Там же такое течение – об стены убьет. И назад не выгребешь.

– Именно поэтому водосброс не охраняется, – твердо сказала девушка.

– Это было бы самоубийство.

– А ну, покажите набережную! – глядя на экран, потребовал Мориц.

Прыщавый нервно поерзал на вращающемся стуле:

– Не получится. Там нет камер.

Мориц пристально посмотрел на девушку. Из всех этих статистов, привыкших круглосуточно пялиться в экраны, у нее был самый осмысленный взгляд. Кивнул ей:

– Идемте, покажете. С начальством я договорюсь.

Темная вода ревела и пенилась, вырываясь из-под одного крутого свода в скале и через пару сотен шагов снова уносясь напрямик в стену. Зрелище потрясало воображение красотой и мощью. О существовании этой реки и изысканной набережной при ней Мориц даже не имел представления. Карфаген был слишком велик, чтобы побывать во всех его уголках. Не говоря о том, что он постоянно разрастался, как опухоль, разъедающая горный массив изнутри.

– А может, мы не там ищем? – сам себя спросил Мориц. – Насколько я успел его узнать – он не самоубийца.

– А у него случайно не кожаная куртка? – спросила смуглянка. – Смотрите.

Она подняла со шлифованной каменной поверхности обрывок коричневой кожи.

– Похоже, зацепился за ограду, когда перелезал, – сказала она. – Вот, железный заусенец торчит.

– Вот черт... – глядя в черную, ревушую мглу, произнес Мориц. – Как же он решился?

– Наверное, у него просто не было другого выхода, – предположила лейтенант Агоева.

Специалист смотрел в эту жесткую и манящую воду, прикидывал, как поступить. По всему получалось – нужно было теперь плестись черт знает куда, на нижние уровни, искать выход этой самой реки, не имея уверенности, что беглец вообще выжил. Поиски могли затянуться надолго, и он уже мысленно строил планы мести, представляя, как отметелит этого беспокойного бегуна, прежде чем вернуть его заказчику, который, как было известно наемнику, Мор шутить не любил, так что попытеть за его денежки предстояло изрядно...

– Эй, шестерка!

Мориц замер.

– У тебя что-то со слухом? – повторил тот же грубоватый голос.

– Вода шумит, не слышу, – проговорил Мориц, медленно поворачиваясь.

Он давно отвык удивляться. Но на этот раз пришлось.

Перед ним стоял тот самый официант из музыкального кафе. Впрочем, удивительно было не явление официанта само по себе – мало ли кто приходит в это романтически мрачное место. С образом несколько контрастировал пистолет

в опущенной, чуть отведенной в сторону руке. Еще больше сбивал с толку глушитель на стволе.

– Что здесь происходит? – подала голос лейтенант Агоева.

– Все в порядке, дамочка, – отозвался нежданный гость, небрежно вскидывая пистолет.

Глухой хлопок выстрела – и девушка, недоуменно ахнув, рухнула на каменную поверхность. Мориц машинально дернулся – но ствол теперь смотрел ему в лоб.

– Чего тебе надо? – хрипло спросил специалист.

– Ничего особенного, – улыбнулся странный официант. – Всего лишь, чтобы ты сдох.

– Я мало чаевых оставлял, да? – криво улыбнулся Мориц.

– Смешно. Нет, чаевые вполне приличные, здешние толстосумы куда более прижимисты. Но, как видишь, у меня есть работа по совместительству.

– Кому я перешел дорогу?

– Ты просто не с тем связался. Твой клиент заигрался с Директорией. А ты знаешь – Директория не любит, когда ее водят за нос. Даже если это – высокопоставленная шишка...

В голове Морица лихорадочно заметались мысли. Этот официант-убийца, похоже, был не в курсе, что высокопоставленный клиент спеца «склеил ласты», что теперь он работал на другого человека.

Возможно, те самые чаевые, которых он не жалел, и подарили ему лишние секунды жизни. Которые неумолимо истекали.

– Прости, приятель, – произнес официант. – Это просто работа.

Решение пришло спонтанно. По большому счету это было даже не решение – скорее инстинкт, вроде того, что толкает на массовую гибель северных леммингов. Просто у Морица не оставалось выбора.

Резко изогнувшись, он взметнул полу плаща. На миг это сбило с толку киллера – первую пулю тот всадил в ткань в районе кармана, оказавшегося теперь выше головы жертвы. В отчаянном рывке Мориц дотянулся ногой до руки с пистолетом: удар, рука взметнулась вверх – и пуля ушла в скалистые небеса. Ясное дело, следующая пуля пришлась бы туда, куда было задумано – прямиком в голову Морица.

Он бы никогда не решился на это – не позволили бы привычные рефлексy, подсознательные надежды, что все обойдется, киллер передумает стрелять или пистолет даст осечку...

Но у него за спиной ревел адский поток. И если его собрались отправить в ад – он предпочел бы сам выбрать себе способ туда добраться. И когда разъяренный убийца выстрелил снова, пуля нашла лишь пустоту.

– Ах ты ж...

Киллер бросился к перилам, и успел заметить лишь развевавшийся в воздухе плащ, что в следующую секунду исчез в бурлящем пенном месиве.

Ему хватило ума набрать воздуха и не выныривать сразу – в последнем случае его могло пришибить ударом о низкий свод пещеры. Ледяная вода обжигала, но он почти не чувствовал холода – его перебивал мощный приток адреналина. Сжавшись в комок, мужчина постарался отключить мозг и не паниковать, чтобы сэкономить воздух, пока его тащило мощным ядовитым потоком. Ядовитым – оттого, что река была насыщена поганой черной водой, способной убить, если ее нахлебаться, или разъесть глаза, если попытаться хоть что-то рассмотреть в этом мутном мраке. Все, что он мог, – держаться, пока не наступит асфиксия, и надеяться на то, что поток вынесет его на сравнительно открытое пространство, где можно будет безопасно высунуть голову.

Не паниковать и расслабиться не вышло. Следующую минуту он пребывал в смертельном аквапарке, где тело швыряло из стороны в сторону, закручивало

спиралью, било об стены, а под конец яростно швырнуло с высоты в бездну. Когда он уже был готов, задохнувшись, потерять сознание и нахлебаться напоследок черного яда, тело ощутило заметное замедление потока. Уже ни о чем не думая, из последних сил, он устремился к поверхности. Вынырнув, надсадно, с хрипом втянул в себя воздух, показавшийся в этот момент сладким и тягучим, как патока.

Смахнул с глаз едкую жидкость, поморгал, быстро огляделся. Было сравнительно светло – откуда-то сверху и сбоку пробивался свет далекого фонаря. Морица, как щепку, несло потоком, который стал значительно шире и при этом ощутимо медленнее. Однако мужчину продолжало тянуть в сторону нового провала в стене, откуда доносился зловещий рев. И похоже было, что из этой «водяной горки» живым выбраться будет проблематично. А потому специалист принялся бешено грести в сторону боковой стены.

У черного зева провала поток сужался и ускорялся. Дотянувшись до мокрой стены, Мориц безуспешно пытался зацепиться. Стена была скользкой от налета и почти гладкой. Мужчину утягивало все ближе и ближе к провалу, низкий рев в котором не сулил ничего хорошего. В какой-то момент спец ощутил, как его потянуло за ноги, стало засасывать, как пылесосом, в узкий пролом. Вскинув руки, он уцепился за выступающий свод. Пальцы уже онемели от холода и отказывались подчиняться. Очень медленно он подтянулся, ухватился за выступ выше. Стало чуть легче. Подтянувшись снова, он едва не сорвался – отвалился большой кусок отсыревшей породы. Но теперь мужчина держался мертвой хваткой и сдаваться не собирался. В какой-то момент он осознал, что ему ужасно мешает промокший и потяжелевший плащ. Хорошо еще, при себе у Морица не было пистолета. Но избавляться от плаща было поздно – это было бы верхом акробатики.

Как бы то ни было, ему удалось подняться по отвесной трехметровой скале и перевалиться через край на усыпанную каменными обломками поверхность. Уткнувшись в острые камни лицом, он сгреб их, как перину, и замер. Какое-то время его дрожащее тело просто отказывалось подчиняться, он весь дрожал, но наслаждался каждым мгновением вырванной из ревущей бездны жизни.

Очнувшись после недолгого забытья, Мориц сел, болезненно поморщился, отдирая от лица впившиеся камешки. Прикинул, глядя на свисающий с кабеля плафон в проволочной сетке: судя по направлению потока, он выбрался на пару

уровней ниже «элитного объема», а где-то глубоко под ним – внешний контур охлаждения реактора, снабжающего Карфаген энергией. Это означало, что он находился далеко от Центрального сектора, на окраине, где в последнее время было довольно спокойно. Такие места не контролировали даже неприкасаемые – слишком много здесь развелось всякого рода отчаявшихся беспредельщиков. Мориц усмехнулся и как ни в чем не бывало принялся отжимать одежду, уже почти не вспоминая, как чудом вырвался из лап смерти. Даже стал насвистывать какой-то бодрый мотивчик.

Это были его нормальные рабочие будни. Просто время от времени возникали проблемы, от которых не было смысла бежать. Проблемы следовало устранять. Вот и сейчас он прикинул, как выяснить свое текущее положение в связи с заказчиками. Являлось ли покушение на него недоразумением или результатом большой политики? Вступится ли за него новый заказчик? И, что немаловажно, получит ли он оставшуюся часть гонорара и компенсацию за моральный ущерб? Следует ли ткнуть мнимого официанта в его собственное дерьмо или порешать полюбовно?

Все это можно было выяснить через связного, до которого еще предстояло добраться, а значит, задача откладывалась на некоторое время. И следовало возвращаться к задаче текущей.

К поискам Змея.

Что специалисту нравилось в собственном характере – так это умение легко переключаться и не фиксироваться на второстепенных проблемах. А потому он с легкостью выкинул из головы все, что довелось пережить в последние часы, и, не оборачиваясь, направился прочь от шумящего потока, неся в руках скрученный, все еще мокрый плащ.

Он брел по вспомогательному, грубо выбитому туннелю, прикидывая план дальнейших действий. «Во-первых, добраться до Центрального сектора, во-вторых...»

Второй пункт пришлось на время отложить: из-за поворота навстречу Морицу вышло несколько темных фигур. Опытный глаз спеца мгновенно определил мелкую шпану из новоявленных бандюков. Наплыв черной воды, эпидемии, голод, обрушения дальних шахт гнали сюда из окраинных туннелей беженцев

всех мастей. Среди этого сброда было много голодных, озлобленных, но при этом физически крепких и жаждущих «компенсации» людей, которым нечего было терять. С такими не могли справиться даже устоявшиеся группировки неприкасаемых, на чью территорию влезали теперь всякого рода беспредельщики. Просто потому, что пришельцы из грязных задворок Карфагена понятия не имели о правилах и ничего не боялись.

Эти были, похоже, как раз такие – из бывших работяг со штолен, сбившиеся в агрессивную стаю. Даже двигались они как дикие приматы – как-то ссутулившись, бочком, нерешительно поодиночке, но всегда наготове наброситься на добычу скопом.

Фигуры остановились, преградив мужчине дорогу, причем двое сразу же просочились ему за спину, отрезая путь к отступлению. Всего их было пятеро: один – рослый амбал с мощными конечностями и с лицом неандертальца, перечерченным страшным шрамом, остальные же больше напоминали рыб-лоцманов, кружащих стайкой вокруг белой акулы. Что не делало их менее опасными в таком-то количестве.

– Опа... Стоять! – раскатисто прорычал рослый. Даже голос его был под стать внешности. – Откуда ты здесь взялся?

– Из речки вынырнул, – честно сказал Мориц.

Краем глаза он заметил, как из рукава того, что стоял за спиной, тихо выскользнул остро отточенный металлический штырь. В руках другого появилась увесистая гирька на цепочке. Еще один стоял рядом с громилой, который был, видимо, главарем этой банды и старательно зевал, изображая равнодушие. Самый же щуплый из всей гоп-компании активно «палился», явно нервничая, суетясь и обильно потея.

– Смешно, – хмыкнул тот, что стоял рядом с громилой.

– А мне – не очень, – проговорил главарь. – Что ты забыл на нашей территории?

– Я же не знал, что это ваша территория, – сдержанно отозвался Мориц, делая шаг чуть в сторону, к стене – чтобы хотя бы одна сторона оставалась под его контролем. – Если это так – я просто уйду отсюда.

– Оставляй вещи и вали, – неожиданно согласился громила. – Выворачивай карманы, снимай обувь, шмотки. Штаны можешь оставить.

– И на том спасибо, – сквозь зубы процедил Мориц, чувствуя, как пружиной «взводится» тело, чувствующее неизбежность драки.

– Нельзя его отпускать, – пробормотал нервный. – Вдруг он псов сюда приведет.

– Согласен. Морда у него уж больно дерзкая, – поигрывая гирькой на цепи, заметил тот, что стоял теперь за плечом «добычи».

– Как ты можешь видеть, какая у меня морда? – не оборачиваясь, поинтересовался Мориц.

– А у меня с детства аллергия на дерзких, – злобно пояснил тот же голос. – Таких я лечу – своим особым методом.

– Ладно... – протянул наемник, внутренне собираясь. – Пошутили – и хватит. Пропустите меня – обещаю, у вас не будет никаких проблем.

В ответ все пятеро расхохотались резким лающим хохотом, как стадо возбужденных макак. Мориц уже не смотрел на них, медленно разворачивая на отставленной руке все еще мокрый плащ. Словно игнорируя угрозу, он стал демонстративно расправлять складки на нем, чем привел главаря в ярость:

– Ты что, умник, самый смелый, да?

Мориц бросил на него короткий взгляд, не отрываясь от своего занятия. Плащ был добротный, сшитый на заказ из довоенных запасов ткани. Мужчина ценил его за обилие карманов и их размеры, за множество скрытых ремешков и подвесов, в которых при желании можно было спрятать автомат Калашникова – со сложенным прикладом, конечно. Еще больше ему нравилось, что ткань практически не мялась и струилась на ветру на манер алого плаща матадора – если им соответственно взмахнуть.

– Ладно... – сдавленно произнес главарь, кивнул подельникам. – Кончай его, ребята.

... А еще плащ был хорош своей неожиданной функцией – он мог стать оружием в рукопашной схватке. Преимущество здесь заключалось во внезапности – противника сбивал с толку неожиданный функционал безобидной с виду вещи. Поэтому удар гирькой ушел «в молоко» вместе с самим орудием на цепочке, запутавшейся в выброшенном навстречу плаще. Дернув за цепь, Мориц получил возможность накинуть тот же плащ на голову этому упырю. Мужчина молниеносно обвил шею отморозка рукавом и рванул дергавшееся тело на себя. В возникшем хаосе бросившийся в атаку гаденыш со штырем довольно удачно промазал, пырнув в бок своего же беспомощного товарища. В ответ получил от последнего, лишенного способности видеть, увесистый удар ботинком в переносицу.

Когда остальные сообразили, что пошло не так в их нехитрой задумке, у Морица помимо плаща была уже цепочка с гирькой и выдернутый из бока неудачника штырь. Нервному паникеру хватило одного удара гирей в ключицу, чтобы он заскулил и отполз за пределы схватки. Крутившемуся рядом с главарем повезло меньше: недолго думая, наемник с силой швырнул в него тот самый окровавленный штырь. Нехитрое орудие оказалось достойно сбалансированным – острие вошло нападавшему прямым в ямку под кадыком.

«На десерт» остался громила, которого разгром основного состава банды, похоже, ничему не научил. С ревом взбешенного носорога он с ходу бросился на наглого чужака. Тут тоже сказалась неопытность в подобного рода делах. Наверное, в своих вонючих штольнях и мусорных свалках – или откуда он там приперся в эти места – он и был в авторитете, решая проблемы исключительно методом применения грубой физической силы. Верзила не понимал, что Центральный сектор тоже возник не вчера и за этот лакомый кусочек с первого дня велась борьба на выбывание. Здесь решающим фактором становились не столько сила и нахрап, сколь реакция, ум, опыт, банальное понимание слабых мест и болевых точек, вкупе с цинизмом и жестокостью, конечно. Причем все это касалось рядовых неприкасаемых. Мориц же без особой рекламы практиковался на том, что окунал этих безжалостных животных лицами в их же дерьмо.

Так что этот бугай с интеллектом бульдозера мог рассчитывать лишь на случайную ошибку физически более слабого противника. Наемник же исчерпал на сегодня лимит неудач. Он, легко отпрянув, придал проносящейся мимо туше дополнительное ускорение – по всем принципам айкидо.

Главарь не ожидал столь внезапной встречи со скальным выступом, в который он со всей дури впечатался темечком. После этого громила просто рухнул мешком – и затих. На чем все и закончилось.

Брезгливо вытерев руки о робу стонущего с дырой в боку бедняги, Мориц подхватил упавший плащ и неторопливо пошел дальше.

Четырнадцатый уровень славился относительной чистотой и спокойствием. По крайней мере, до второй волны беженцев, после которой плотность населения в центре стала увеличиваться со скоростью нарастания критической массы ядерного боеприпаса. Здесь находилась рекреационная зона Карфагена. Сильно сказано, конечно, так как по задумке создателей подземного убежища здесь должны были проходить лечение и восстанавливать силы все его обитатели. Но, как обычно, что-то пошло не так, и в гигантскую нору набилось в разы больше народу, чем предусматривалось по проекту. Сам факт того, что все не вымерли от голода и перенаселения в первый же год, уже можно было отнести к коллективному героизму, лавры которого традиционно и беззастенчиво приписывала себе Директория.

В любом случае сразу же стало понятно, что рекреационная зона всех не потянет; скорее, ее просто загадят, и Карфаген лишится возможности хотя бы условной медицинской помощи для наиболее нуждающихся. Дело было в том, что именно здесь компактно располагались медицинские блоки, больница и некое подобие санатория.

Попасть сюда простому смертному было нереально. На того, кто не бывал на элитных уровнях, здешние условия производили неизгладимое впечатление. Во-первых, здесь царила чистота, немыслимая во всех прочих уголках мрачного человеческого муравейника. Это стало возможно только по одной причине – ограниченного допуска на уровень.

Ограничения мало волновали Морица. Он без проблем миновал внешний блокпост и хорошо охраняемую проходную, небрежно помахав жетоном. Что не избавило его, впрочем, от необходимости пройти тщательную дезинфекцию под струями ядовитого газа и облучением в ослепительных ультрафиолетовых лучах. Здесь тоже имелись шлюзы, изолировавшие уровень от остального объема Карфагена. Говорили, что в рекреационном пространстве

поддерживается повышенное давление воздуха по отношению к довольно некачественной атмосфере остальных уровней. Но сколько ни принимался, Мориц не замечал разницы.

Взгляд, однако, отличия улавливал четко. Все здесь сверкало ослепительной белизной при спартанской, в общем-то, обстановке, прямых углах и полном отсутствии архитектурных излишеств.

Но главное, что поражало здесь неискушенные взгляды, – это парк. Пространство размером с футбольное поле, покрытое жухлой травой, кустами и изломанными приземистыми деревьями, выросшими под скудным искусственным освещением. Поле это было разбито мощными «колоннами», оставленными в породе для поддержания свода. Колонны были плотно увиты плющом и лишь добавляли ощущение свежести. В центре же парка имелось крохотное озеро каплевидной формы. Все здесь было настолько ухожено, прилизано с такой тщательностью, что казалось содержимым декоративного стеклянного шара – были когда-то, в той жизни, такие игрушки. Из-за этой вот декоративности Мориц как раз и не любил парк. Странно, но более живой ему казалась плесень на стенах туннелей и жалкие травинки в горшках, которые продавали за бешеные деньги в торговых рядах Месива.

Кое-что, однако, резало взгляд. Обычно безлюдный, сейчас этот странный подземный лес был заполнен людьми. Но не праздно шатавшимися счастливыми из санатория и не медитировавшими на воду больными. Здесь вповалку лежали десятки, если не сотни оборванцев, которых раньше не подпустили бы и на пушечный выстрел к стерильной зоне.

«Беженцы, – подумал Мориц, брезгливо поморщившись. – Теперь и здесь. Выходит, ситуация еще серьезнее, чем можно было представить, раз сюда запустили возможных переносчиков всякого рода заразы. Хотя это как раз могло быть и связано: где еще их лечить, как не здесь? В любом случае, парк загажен основательно, ничего не осталось от былой красоты».

Впрочем, сюда он пришел не видами любоваться. Ему было нужно амбулаторное отделение. Там у него проходили регулярные встречи с агентом.

Медицинские корпуса осаждали толпы таких же оборванных и грязных пришельцев из дальних секторов, неприкаянно болтавшихся вдоль стен. И было

похоже, они здесь не по собственной воле. Ряды вооруженных бойцов в форме блюстителей буквально загоняли людей, как скот, уплотняя и распределяя рядами вдоль стен.

– Внимание! – разносился низкий зычный голос. – Следуйте указаниям санитаров. Узнать их можно по красным повязкам на рукавах. Каждый прошедший осмотр и прививку получает штамп на ладонь! Без штампа пациент считается непривитым и отправляется на второй круг. Поскольку дополнительная прививка может привести к летальному исходу, будьте внимательны! Не прошедшие осмотр и непривитые на территорию центральных уровней не допускаются.

– Стой! Куда без очереди? – рявкнули прямо над ухом.

Это было уже к нему. Мориц едва успел обернуться, как его уже стали оттеснять автоматом к веренице кандидатов на прививку. В плотной толпе он с трудом достал жетон и ткнул его в прикрытое респиратором лицо блюстителя:

– А ну, не балуй! Если не хочешь вылететь со службы.

– Простите... – глухо пробормотал голос под респиратором.

Крепкая рука блюстителя выдернула наемника из плотного строя.

– Уходите! – быстро сказал боец. – И советую провериться у врача. Вдруг подцепили что-нибудь от этой партии – она из Болотной штольни. Там вспышка неизвестной болезни.

– И что, после прививки их отправят прямиком в Карфаген? – с сомнением произнес Мориц.

– Мне почем знать? Я рядовой.

– Не задавайте лишних вопросов, – сквозь зубы сказал другой блюститель, тоже в респираторе, но в офицерской форме. – Я видел ваш жетон, но он не гарантирует защиты от всех проблем. Ясно?

– Куда уж тут яснее, – отозвался Мориц, поспешно отходя в сторону.

Еще раз глянул в сторону колонны претендентов на прививку. Что-то подсказывало мужчине: «Эти в Карфаген не попадут. Даже если прививка действительно существует, а не прикрывает дешевый способ заставить несчастных подчиниться на пути в неизвестность. Как овец, гонимых на стрижку. Или на бойню».

Поговаривали, что здесь находятся биологические лаборатории, занимающиеся темными делишками. В частности, тут исследовалось воздействие радиации и прочих мутагенных факторов поверхности. Но все это якобы скрывало главную цель исследований – продление жизни руководства Директории и толстосумов, спонсировавших сомнительные проекты. Это, возможно, объясняло относительную доступность здешних медицинских услуг для «счастливчиков» с нижних уровней: их просто использовали в качестве подопытных свинок. Ведь в лабиринтах Карфагена легко было исчезнуть, никто бы не стал искать этих бедолаг – выяснять, где и при каких обстоятельствах пропал кто-то, было попросту бесполезно.

Но только не для него.

Очередь у отдельного невзрачного корпуса на отшибе была поменьше. Это было психоневрологическое отделение. Вообще, странно, что здесь было так мало посетителей, с учетом доли психопатов в населении Карфагена. Пожалуй, психиатру спешили показаться как раз здоровые люди, которые, наблюдая за происходящим вокруг безумием, начинали подозревать, что что-то не так именно с ними самими.

Пройдя мрачным коридором, наемник добрался до облезлой двери с номером, рядом на длинной скамье сидел какой-то перекошенный парнишка с блуждающим взглядом, из уголка губ бедолаги стекала длинная густая струйка слюны. Но больше почему-то пугала вполне себе аккуратная и чистенькая женщина, сидящая с ним: с широко раскрытыми глазами она неподвижно смотрела в стену напротив, не замечая ничего вокруг. Остальные ожидающие у двери были не столь колоритны. Мориц прошел вдоль очереди, небрежно бросив:

– Срочно надо. У меня обострение.

Никто не возражал, и, открыв скрипучую дверь, наемник вошел в тесный, заставленный кособокими шкафчиками кабинет. Сразу было заметно – обстановка сохранилась со времен Катастрофы. Как и посеревший от времени, некогда белый халат хозяина кабинета. Врач сидел за обшарпанным столом, тарачился в глубину мятой металлической кружки через толстые линзы в массивной оправе и даже не удосужился поднять взгляд на посетителя.

– Я же сказал – ждите! – неровным голосом сказал доктор.

– О, да ты под мухой, – усмехнулся Мориц.

– А, это ты, – Врач наконец догадался поднять на него слегка помутневший взгляд. – Не ждал тебя так быстро.

– Чего-то ты не в духе.

– А чего радоваться? Скоро нашей тихой удобной жизни – крышка.

– Тебе что-то известно?

– Да пошел ты.

– Ого. Я не за то тебе плачу, чтобы ты меня посылал с порога. Я плачу за информацию.

– Есть у меня подозрение, что мне скоро язык отрежут.

– Все настолько серьезно?

– Seriously? – Врач впился в Морица взглядом, в котором на миг появилась ясность. – Да нам всем писец.

Наемник неуверенно хохотнул, списав заявление своего агента на художественное преувеличение на фоне легкого опьянения. Стешин – такова была фамилия хозяина кабинета – был явно напуган и подавлен. Общаться с ним на рабочие темы, когда он был в таком виде, не имело смысла.

Нужно было его выводить из такого состояния. «Забавно, – подумал специалист, – мне придется «лечить» профессионального психиатра».

– А что ты там потребляешь? – переменял тему Мориц, усаживаясь на шаткий стул и пододвигаясь поближе.

– Чего? – поднял взгляд Стешин. – А, это... Дистиллят из какой-то гнилой дряни. Даже спирт упал в качестве. И так – во всем. Лекарств не хватает. Когда начнется – нечем будет купировать...

– Ничего, я непривередливый.

Мориц нарочно не задавал вопросов. Он наблюдал, как собеседник, неловко качнувшись, поднялся со стула, опустился на четвереньки и принялся раздвигать груды папок, расшвыривать пожелтевшие от времени бумаги. «Глубоко, видать, старый параноик прячет свои запасы», – отметил про себя наемник. Вот и теперь психиатр не явил тайную заначку под скудный свет единственной лампочки, а принялся, нервно бормоча, что-то откупоривать и чем-то булькать. Впрочем, уже через пару минут он разливал прозрачную жидкость из мятого чайника по жестяным кружкам. «К чему эта наивная маскировка? – раздраженно подумал Мориц. – Неужто здесь такой контроль за потреблением медицинских запасов или соблюдением трезвости на рабочем месте? Скорее, какие-то собственные тараканы в голове, которые, как ни странно, у мозгоправов вырастают особенно крупными, жирными и усатыми».

Взяв кружку, специалист осторожно нюхнул и тут же отпрянул: в нос шибануло сивухой. Это вам не сказочные изыски из апартаментов почившего Заместителя. Но деваться было некуда. Лучший способ наладить доверительный канал связи – накатить с собеседником.

Выпили не чокаясь. Хорошо, у Стешина было чем закусить: в железной миске для медицинских инструментов валялся кусок зачерствевшей лепешки. Молча погрызли это нехитрое угощение, выпили еще по одной. У Морица мелькнула мысль: голова будет болеть. Но это – после. Сейчас же он спросил:

– Так что там начнется?

Врач помолчал немного. Мрачно усмехнулся:

– Ладно, чего уж теперь... Руководство готовится к апокалипсису. И нас готовят. Как будто медики смогут кого-то спасти в таких условиях. Ни оборудования, ни препаратов, даже перевязочного материала мизер.

– В смысле – к апокалипсису?

– Мне не докладывают. Но произойдет нечто, после чего ситуацию на уровнях будет уже не удержать под контролем. Потому все силы Директория сейчас стягивает к себе. Заметил, что патрулей на уровнях стало меньше? Наши небожители больше за собственные шкуры переживают.

– Так что конкретно назревает? Заговор? Бунт? Эпидемия?

– Тоже возможно. Но насколько я понял – это лишь следствия.

– Нормально. Ты меня заинтриговал.

– Еще налить?

– Спасибо, мне достаточно. Работы много.

Стешин желчно рассмеялся:

– Никак не привыкну к тому, какой ты педант. Все летит к чертям, а он – «работа». Мне бы твои нервы.

– Такой уж уродился. Был бы другой – не платили бы.

– Всегда хотел узнать, какой гонорар у частного детектива?

– Я не просто детектив. Я специалист по особым поручениям.

– Плевать. Тогда я сам выпью.

Мориц терпеливо ждал, пока доктор дольет себе дрожащей рукой оставшееся содержимое чайника. Впрочем, психиатр не стал торопиться с нецелевым использованием казенного спирта. Он поднял затравленный взгляд на собеседника:

- Грядет катастрофа. Что-то грандиозное, после чего Карфаген уже не будет прежним.
- Strongly сказано. Значит, мне нужно торопиться. Работа сама себя не сделает.
- Все-таки ты не человек, ты – робот.
- Странно это слышать от психиатра. Что, у тебя антидепрессантов нет?
- А это что? – Стешин постучал ногтем по кружке. – А то, что я психиатр... Слышал про сапожника без сапог? Может, я потому и пошел в профессию, что не мог справиться с собственными страхами...
- Его вдруг затрясло. Он судорожно вцепился в руку Морица, приблизил к нему плохо выбритое синюшное лицо. Забормотал:
 - Слушай, а можно как-то сбежать отсюда? Я больше не могу видеть психов! Их все больше и больше, у нас отделение битком набито. Приходят санитары и куда-то уводят лишних. И я догадываюсь куда! Они никому не нужны живыми, все, что они могут дать руководству, – это органы, кровь, мясо! Да, я подозреваю, что у нас уже жрут человечину!
 - О, друг... А у тебя, часом, не «белочка»?
 - О чем ты? – Врач сразу как-то обмяк, лихорадочный взгляд его потускнел. – Просто страх. Самый обыкновенный страх. Если что – я не говорил ничего такого. Просто не выспался.
 - Так я и не вытягивал из тебя никакой секретной информации. Я не по этой части, ты забыл?
 - Так чего пришел?

– Человек мне нужен. По прозвищу Змей. Вот идентификационный номер...

Врач замер, странно поглядел на собеседника. Как будто пытался протрезветь усилием воли. Произнес:

– А, вот оно что. Не надо номера. Он мне известен. Это же Видящий.

– Точно. Что ты знаешь о нем?

– Меня пытались подключить к изучению «феномена видящего». Не меня одного, конечно. Физиологи из отдела «Б» мечтают вскрыть его черепушку и покопаться в его мозгах. Как будто что-то понимают в этом. Но парню повезло – он вовремя смылся куда-то.

– Что это за отдел «Б»?

– Черт... – Психиатр пьяно покачал головой. – Я не должен был... Это ты меня напоил.

– Ну, конечно, я. Кто же еще. «Б» – значит «Бессмертие»?

– Иди на хрен!

– Значит, угадал. Ты не напрягайся так, я ведь ничего не узнал, а ты ничего не говорил. Вернемся к Змею. Мне он нужен. Можешь пошерстить по своим каналам?

– Ты же знаешь, насколько это рискованно.

– Я также знаю, что за деньги возможно все.

– Нет гарантий, что это все еще работает. Вольфрам сильно потерял в цене.

– Уверен, у тебя все получится. «Топтуны» Директории по-прежнему получают допуск у тебя?

– Да, но...

– Тебе же не составит труда объявить стукача Директории опасным психом? Или, к примеру, кто-то из них не пройдет проверку на полиграфе, а? Я знаю, как они держатся за свое место. Запрет на работу для них равносителен смертному приговору. За штамп в листе допуска они сольют тебе кого угодно.

– Шантаж? – Стешин нервно облизал губы. – Ты меня убить хочешь.

– Две «штуки» фрамов, – ровно сказал Мориц, глядя в пустую кружку. – В условленном месте. Неплохая сумма, чтобы устроить пир во время чумы, а? Особенно, если ты прав и скоро всем крышка. Тогда и рисковать, в принципе, нечем. Представить: шикарное очищенное бухло вместо этой отравы, а?

Врач рефлекторно сглотнул. Прямое попадание, как говорится.

– Ладно, – протянул Стешин. – Сегодня у меня получает допуск один говнюк. Попробую что-нибудь выяснить через него. Скажу, что Змей нужен мне для исследований и все такое.

– Верно рассуждаешь, – одобрил Мориц. – Чем тише, тем лучше. Я буду ждать информацию в парке. Повалюсь под видом больного. Тем более что я, похоже, реально приболел...

Он хрипло кашлянул, только теперь ощутив озноб. «Этого только не хватало. А ну, взбодрись!» – мысленно приказал он себе. Водилось за ним такое качество – усилием воли подавлять недомогание и даже давить в зародыше надвигающуюся болезнь. Не всегда, правда, получалось.

– Смотри, чтобы тебя в этом загаженном парке реальные больные не заразили. Или по башке не дали. Они, понимаешь, нынче совсем без тормозов. И на расходы дай. Попробую тупо денег стукачу сунуть, чтобы до угроз не скатываться.

– Из своих возьми. Я тебе добавлю. И не надо на меня быком смотреть – я знаю: наличка у тебя имеется...

Фраза оборвалась приступом удушливого кашля. Как-то резко началось. Хреново. Вот и Стешин заметил:

– Что-то мне не нравится твой кашель.

– Да ерунда, искупался в холодной водичке.

– Ты с этим не шути. Сейчас не время болеть. Погоди... – Врач со скрипом выдвинул ящик стола, достал тусклый металлический тубус, отсыпал в пригоршню несколько кустарно приготовленных пилюль. – Это не мой профиль, конечно, но вряд ли ты пойдешь к терапевту. Вот, возьми, для профилактики. Только с алкоголем не совмещай – там ядерный коктейль из биоактивных веществ, стимуляторов и антибиотики в составе.

– Спасибо. – Мориц подставил ладонь. – Болеть как раз не входило в мои планы.

Болезнь всегда приходит не вовремя и не особо интересуется планами жертвы. Вот и сейчас она накатывалась со стремительностью ледяного подземного потока, который ее и доставил. Мориц кое-как доплелся до парка и почувствовал себя совсем хреново, у него, похоже, поднялась температура. Решив наплевать на предупреждение врача, он отправил в рот сразу пригоршню пилюль, запив их водой из питьевого фонтанчика, торчавшего посреди лужайки. После чего тяжело опустился на траву. Через минуту его уже вырубило.

Трудно сказать, сколько он был в отключке. Наемник в потном болезненном бреду от кого-то убегал, дрался с бесплотными призраками и тонул в подземном потоке. Последнее было особенно мучительно, так как вода казалась не ледяной, а, напротив, адски горячей, почти кипятком, из которого он отчаянно пытался вынырнуть, но не мог: голова всякий раз билась в нависавший подземный свод, – и мужчина снова тонул, набирая полные легкие обжигавшей жидкости. Мориц еще успел удивиться во сне: как это он захлебнулся – и остался жив? Но тут его ухватили за ворот чьи-то руки – и потащили на поверхность. Вынырнув, он хрипло вдохнул...

И открыл глаза.

С удивлением понял, что его действительно тащат за воротник плаща. Правда, не с целью спасти его брентную жизнь, а в попытке изучить содержимое его внутренних карманов. Любопытствующим оказался какой-то тощий пронырливый заморыш с черными кругами вокруг глаз и впавшими щеками. Явно новоявленный беспредельщик из грязных шахт.

Хоть Мориц все еще ощущал слабость, однако сил у него хватило на то, чтобы выбросить вперед руку, ухватив наглеца за тощую шею.

– Куда? – просипел наемник. Кашель вроде прошел, но побаливало горло и сел голос. Сел, кстати, довольно удачно, приобретя зловеще-утробный тембр.

Воришка взвизгнул, задержался, тщетно пытаясь вырваться, но детектив держал его крепко. Он проверил содержимое своих карманов и только после этого отпустил незадачливого грабителя, придав ему ускорение шлепком растопыренной ладони по невымытой физиономии. Этот с виду несильный удар всегда производил весьма ощутимый эффект, заставляя получившего его выть, корчиться и болезненно хлопать глазами, пока не вернется зрение.

– А ты, смотрю, времени зря не теряешь, – произнес над головой знакомый голос.

Мориц не отреагировал на шутку. С чувством юмора у него сейчас было туго – все силы он бросил на то, чтобы просто подняться на ноги. Руки и ноги были ватными, в глазах потемнело. Так что подошедшего Стешина наемник-детектив разглядел не сразу. Он встал на одно колено, с прищуром поглядел на агента.

– Ну как, есть результаты?

– Относительно, – отозвался врач. – Информация скудная, но тем не менее. Змея видели сегодня. В литейном цехе на третьем уровне, у тридцать седьмой шахты.

– Дерьмовое местечко, – пробормотал Мориц. – Что он там забыл?

– Это максимум, что удалось узнать, – буркнул Стешин. – Надеюсь, ты сумеешь прикрыть мою задницу, если что.

– Если что – то могу не успеть. А так – прикрою.

Его шатнуло. Однако стало ощутимо легче. То ли таблетки помогли, то ли пара часов беспокойного сна, которого как раз не хватало ему уже несколько суток подряд.

– Ладно, медицина, бывай, – неопределенно махнув рукой, бросил Мориц. – Вольфрам будет ждать на прежнем месте. Я свое слово держу.

Соваться в литейный в одиночку было бы слишком самонадеянно даже для специалиста по особым поручениям с его жетоном. Последний там, скорее, был даже опасен для его обладателя, так как с ходу выдавал его близость к властям. А это действовало на неприкасаемых как красная тряпка на быка. Именно они хозяйничали на нижних уровнях, «крышуя» производство металла. Формально считалось, что эти цеха находятся под особым контролем Директории. Фактически же существовали негласные договоренности, по которым группировке Гвоздодера отдавалось на откуп распоряжение «отходами производства», среди которых была немалая доля вполне себе годной продукции.

Но то было в прошлые, более спокойные времена. Что сейчас творилось в той ядовитой глубине – доподлинно было неизвестно. Однако деваться наемнику было некуда: чтобы взять след Змея, он должен был нырнуть в эту неизвестность.

По пути ему пришлось сделать крюк в сторону Помойной шахты. Там у него был схрон – как раз на тот случай, когда надеяться на опыт рукопашных схваток было неразумно. В тех краях любой разговор мгновенно мог перейти в поножовщину. Мориц не любил всех этих пижонских выкрутасов с заточками, ножами из старых рессор, цепями и сюрикенами.

Он предпочитал старый добрый пистолет. Сейчас, впрочем, стоило захватить с собой кое-что помощнее.

Помойная шахта как нельзя лучше подходила для тайника. Нужно было бы иметь просто патологическое любопытство, чтобы просто так, без специальной цели, соваться в эту зловонную клоаку. По уму, без противогаза этого вообще нельзя было делать. Но сейчас пришлось ограничиться задержкой дыхания.

Кучи гниющего мусора, набитого в узкую шахту, отпугивали случайных зевак. Это была нелегальная свалка, и раньше блюстители ловили и штрафовали тех, кому лень было волоочь отходы на нормальную утилизацию. Сейчас же все это дерьмо буквально вываливалось из темной «кишки», грозя в скором времени отравить воздух во всем Центральном секторе.

Торопливо протиснувшись между мятыми железными бочками с какой-то гниющей мерзостью, Мориц быстро добрался до знакомого ориентира – тускло светившего зеленого плафона – единственного на всю шахту. Мужчина нашарил рукой на скользкой стене глубокую щель и вытащил один за другим пару цементных блоков, скрывавших глубокую нишу. С усилием вытянул наружу тяжелый ржавый контейнер.

Тщательно смазанные и завернутые в ветошь, здесь ждали своего часа предметы, которые могли внезапно понадобиться специалисту по особым поручениям. Во-первых, деньги. В тайнике всегда имелась некоторая сумма на оперативные расходы. Сейчас плотная укладка монет понадобилась для расчета с агентом. Мориц никогда не подводил тех, с кем сотрудничал. И никогда не прощал обмана.

Мельком осмотрел ножи – и не стал брать. Решил – в другой раз. Был соблазн взять АКСУ-74. Убойная машина для ближнего боя. Однако он не воевать отправлялся. Да и не особо удобно было бы прятать эту штуку, даже под плащом. «Макаров» не особо годился из-за малого боекомплекта. А вот компактный «кедр» вполне подходил. Пистолет-пулемет – идеальное оружие в туннелях и тем более – в замкнутых помещениях типа «литейки». Двух запасных магазинов должно было хватить. Хотя бы потому, что больше попросту не было. Подумал и взял единственную гранату. Не боевую, таких у него не имелось. Со слезоточивым газом. Штука сомнительная, но мало ли. Он бы предпочел светошумовую – ей хотя бы можно было бы привести врага в замешательство, а от «вонючки» многие драчуны лишь зверели.

К «литейке» вышел с «черного входа», через боковой подсобный коридор. Это было опасно – коридором пользовались неприкасаемые, которые могли чужака просто пришить под шумок, на всякий случай. Но заходить с «парадного входа», точнее, с транспортных ворот, было бы еще опрометчивее: здесь постоянно дежурили блюстители и учетчики Директории, отслеживавшие движение грузов. А Мориц до сих пор не выяснил, кто из руководства его «заказал» и по какой

причине.

Здесь, на дне и без того глубоко погребенного подземного убежища, царил настоящий ад. Как раз в этих местах появлялось осознание первоначального назначения шахт, вгрызавшихся в толщу Кавказских гор. Еще за сотню шагов от цехов становилось трудно дышать, а на языке появлялся металлический привкус. Ближе – по ушам ударяло механическим грохотом, а дальше – обдавало удушливым жаром. Как-никак температура плавления вольфрама – более трех тысяч градусов. Здесь густо ветвились тесные червоточины ходов, в которых приходилось пригибаться, зато какое-то время удавалось избегать нежелательных встреч.

Однако недолго. Едва впереди замаячили желтоватые отблески горячего цеха, детектива остановил небрежный оклик писклявого нагловатого голоса:

– Эй, дядя! Заблудился?

Это было неожиданно: голос прозвучал за спиной. Обернувшись, Мориц увидел сидевшего прямо на земле, а точнее, на разбитой горной породе, тощего, жутко грязного человека. Впрочем, даже под слоем копоты на его плечах и руках, торчавших из-под лямок рабочего полукомбинезона, явственно виднелись характерные наколки.

Неприкасаемый. Сучий потрох, бандитское семя, тот, кому не писаны человеческие законы, который признает лишь силу и довольно условные «понятия» криминального мира. У Морица был изрядный опыт общения с такими персонажами, однако в этот момент наемник пожалел, что не успел отыскать Змея раньше: его «клиент» специализировался на переговорах с неприкасаемыми. Был попросту посредником в скользких отношениях группировок. Тут такое дело: работа работой, но лишний раз совать голову в пасть тигру спецу не хотелось.

– Не заблудился, – спокойно отозвался он. – Я ищу одного человека.

– Ищет он, – мерзко хохотнул тощий. – Тут не любят таких вот ищущих. Не боишься испариться? В печке для плавки металла.

– Это в мои планы не входит, – сказал Мориц. Внимательно оглядел неприкасаемого. – Заработать хочешь?

– Я даже говорить с тобой не буду. – Тощего аж перекосило. – А ну, встал на колени и клешни на стену!

В его руке появился непривычного вида ствол. Что-то среднее между пистолетом и обрезом дробовика-вертикалки. Очередная самоделка от умельцев-оружейников, каких немало водилось в темных глубинах подземных уровней. Хороший мастер по оружию в Карфагене никогда не остался бы без работы и куска сытной лепешки.

Все сразу пошло по худшему сценарию. Мориц надеялся тихо прозондировать обстановку, разыскать тех, кто видел Змея, заодно выяснив, что ему тут понадобилось. На это заказчиком был выделен отдельный бюджет, и трудно было представить, что в такое мутное время кто-то откажется от денег. Можно, конечно, было положить нахала из «кедра», но это грязная работа, которая могла выйти боком, а главное, не привела бы к нужному результату.

Медленно опустившись на колени и приложив ладони к влажной шершавой стене, детектив повторил попытку:

– Я серьезно. Тысяча монет за информацию – и расходимся с миром. И говорю сразу: деньги в условленном месте. Это на случай, если ты решишь меня кокнуть и карманы обчистить.

– Да у тебя с черепушкой проблемы! Хочешь меня стукачом выставить? За жалкую «штуку»?

– Две «штуки», – спокойно сказал Мориц, – если информация поможет в поисках. Человека зовут Змей. Он недавно побывал здесь.

– А я тебя, пожалуй, грохну.

– Тогда я бы поговорил с Гвоздодером. Сообщи ему о том, что пришел его старый приятель. Он поймет.

– Эва хватил, – хохотнул тощий. Но уже не так уверенно. – Бугра ему сразу подай. А захочет ли он с тобой говорить?

– А ты проверь.

Это был блеф. Мориц не знал Гвоздодера. Да и мало кто мог похвастаться знакомством с этим нелюдимым и мрачным человеком, плотно сидевшем на вольфраме. Подозрительность Гвоздодера была почти маниакальной. Единицы знали его в лицо, еще меньше – представляли, где тот может находиться в конкретный момент времени. Он даже ночевал каждый раз на новом месте. Не имея родных и близких, главарь группировки не имел и постоянных приближенных. Ходили слухи, будто однажды он лично передумил собственную охрану – только потому, что ему что-то там померещилось. И все в его банде были такими же параноиками, дрожавшими за собственные шкуры, всякий раз ожидая удара в спину. Такова была цена за блеск вольфрама, ставшего в Карфагене синонимом богатства и власти. Гвоздодер не любил ничего, кроме этого металла, выплавляемого в подконтрольном ему литейном цеху. Поговаривали, у этого человека был даже свой собственный монетный двор.

Но это вряд ли. Отливкой монет (ибо чеканка вольфрама проблематична в принципе) занимались специально подготовленные люди Директории, под защитой спецназа и секретных служб. Прознай они, что неприкасаемый, пусть даже такой влиятельный, засунул руку в казну и гонит фальшивки, его, не раздумывая, сунули бы в адскую печь, где в чудовищных вольтовых дугах плавился неподатливый металл.

Но Гвоздодер был полезен. Он обеспечивал специфическую защиту производственного процесса – прикрывал «литейку» и монетный двор от конкурировавших группировок неприкасаемых, да и от соблазна отдельных представителей власти вести собственную игру в этой заманчивой сфере. С позиции Директории это был сильный ход – использовать угрозу своей власти против еще больших угроз, таким нехитрым образом купируя основной комплекс проблем, связанных с преступностью.

– Так кто ты и что тебе надо? – продолжая скалиться, спросил тощий. – От правильного ответа зависит твоя жалкая жизнь.

– Малыш, ты начинаешь мне надоедать, – процедил Мориц. У него уже созрел план, как без особых физических затрат и перевода патронов проучить непонятливую «шестерку». – Долго я буду подпирать руками стену?

– Ты что, брателло, бессмертный? – продолжая целиться ему в затылок, поинтересовался тощий. – Ей-богу, шмальну!

– Что за кипиш? – просипел еще чей-то голос. – Кого это ты за жабры взял, Нервный?

Этот новый, тихо вышедший из темноты, был точно в таком же рабочем полукомбинезоне, только на несколько размеров больше, жирный, с почти отсутствующей шеей и круглой лысой башкой, словно оторванной от другого тела и кое-как прилепленной на первое, что попало. Двигался он грузно, но при том с какой-то особой ловкостью, так, что не было слышно шагов его раздавленной под тяжелой ношей обуви.

– Да вот, упырь какой-то, пытался в литейку прошмыгнуть. Говорит, знаком с Гвоздодером.

– Да ну? Так и говорит?

– Ага.

– Так какого ж хера он у тебя на коленях стоит? – рявкнул толстый.

– Не понял, – тощий несколько опешил. Даже ствол опустил.

– Чего ты не понял, тупая ты крыса? А если Гвоздодер и впрямь его знает? Такой вариант не рассматривал?

– Я не...

– Вот именно. Если Гвоздодер решит, что этот хмырь – самозванец, тогда уж его в любой момент в расход можно. А если болезный пожалуется бугру на унижение и все такое...

– Я не пожалуюсь, – глядя в стену, пообещал Мориц. – Я ж понимаю – работа у вас такая.

– Заткнись, мурло. Твою судьбу мы еще не решили.

– Все, молчу. Но хочу заметить, времени у меня мало. Гвоздодер будет недоволен.

В его утверждениях была логическая нестыковка: если он предлагал деньги первому встречному обитателю литейки, то сам собой напрашивался вопрос: а в курсе ли Гвоздодер его мутной деятельности? В таком случае зачем главарю ждать с отчетом того, кто крутит мутные делишки у него за спиной?

Но эти ребята не особо дружили с логикой. А может, просто решили спихнуть с себя всякую ответственность. Это был разумный ход, учитывая характер и послужной список их лидера.

– А ну, Нервный, обыщи его, – приказал толстый. – Так и быть, возьмем его к Гвоздодеру. И если он соврал – я ему не завидую.

Тощий гадко захихикал, небрежно обшаривая торс Морица и карманы его плаща. Это был самый опасный момент. Естественно, в карманах ничего не было, как и за поясом или под мышкой, где, по логике вещей, должен был прятаться компактный пистолет-пулемет.

– Чисто! – сообщил Нервный.

И совершенно напрасно. Потому как «кедр» был примотан к ноге детектива без магазина, рукоятью параллельно ступне. Магазины и гранаты были прикреплены таким же образом к другой ноге. Довольно примитивная маскировка, которая не годилась для серьезного досмотра, но вполне себя оправдала в конкретной ситуации.

– Идем! – проворчал толстый, вразвалочку, словно упитанный бес по дороге в ад, направляясь вперед по темному коридору – в сторону желто-багрового зарева.

Поднявшись, Мориц покорно отправился вслед за ним, спиной ощущая подозрительный взгляд Нервного, продолжавшего держать ладонь на рукоятке экзотического пистолета.

Наемник понятия не имел, что делать дальше, полагаясь на интуицию и возможную смену обстоятельств. Одно он знал точно: с Гвоздодером ему встречаться нельзя. Ситуация была запредельно опасная, но именно в таких обстоятельствах Мориц чувствовал ледяное спокойствие и особенную, кристальную ясность в голове. Он и сам иногда удивлялся этому своему свойству, наблюдая нервозность и панику вокруг себя.

Он был педант, флегматик, и некоторые считали, что у него стальные нервы. Возможно, и так, хотя он сам полагал за собой какое-то своеобразное, хотя и полезное отклонение от психики. Впрочем, не всегда полезное. Отсутствие нормальных человеческих эмоций иногда вызывало у него вопросы: например, правильно ли он оценивает поведение других? В его работе ошибаться в таких вещах было весьма опасно. На этой почве он и познакомился со Стешиным: сначала тот консультировал его в вопросах психологии и не заметил, как сам попался на крючок специалиста по особым поручениям.

Это, кстати, было еще одно полезное свойство его натуры – поиск чужих слабостей и умение их использовать в собственных целях. В этом Мориц чувствовал свою схожесть со Змеем, который, как известно, подвизался на поприще посредничества в «терках» неприкасаемых. Тут, однако, крылась и разница в подходах: если детектив ловил клиентов на их слабостях, то Змей, как человек эмоциональный и склонный к эмпатии, скорее, подыгрывал им, находил общий язык и использовал собственное обаяние. При всех их различиях, Мориц предпочел бы иметь Змея в союзниках, нежели во врагах или объектах поиска.

Но тут уж было дело принципа: наемник никогда не подводил заказчика.

В лицо дохнуло жаром: они входили в горячий цех. Сами плавильные печи прятались где-то в глубине, за нагромождением древнего оборудования. Но огромные температуры здешних производственных процессов затрагивали всю атмосферу «литейки», и даже мощная, надсадно воющая вентиляция не справлялась. У дальней стены перемещались фигуры в сверкающих серебром, космического вида «скафандрах» – это были те, кто непосредственно соприкасался с процессом.

Его же вели вдоль стены в противоположную сторону. Мориц ощущал, как становится тяжело дышать, как тело покрывается потом.

– Может, плащик-то снимешь? – насмешливо предложил Нервный.

– Не хочу. Зябко, – отозвался детектив. – Прохладно тут у вас.

Толстый конвоир заржал. Мориц же почти не соврал: горло и легкие продолжало саднить, несмотря на лошадиную дозу лекарств от Стешина. «Может, эта неожиданная сауна пойдет на пользу здоровью, – подумал специалист. – Если оно мне еще понадобится, конечно. В последнем твердой уверенности нет: едва эти ребята заподозрят неладное – меня растворят в тигле с расплавленным металлом».

Они завернули за громадину древнего, давно не функционировавшего по виду станка. Здесь кучка грязных и потных людей во все тех же уродливых полукомбинезонах тягала и складывала аккуратными «поленницами» металлические слитки. Трудно было понять, молибден ли это или другой металл, но еще трое, с дробовиками наперевес, пристально наблюдали за работой.

– Стоять! – приказал Нервный.

Толстый неприкасаемый направился к вооруженным людям, перекинулся с ними короткими фразами, после чего один из них неприязненно зыркнул в сторону незнакомца в плаще и быстро удалился. Мориц исподволь осматривался, прикидывая пути к бегству. Он знал, что, если сюда действительно приведут Гвоздодера, ему, детективу, – конец. Время пошло на секунды.

Нужно было действовать.

Мориц кашлянул в кулак, сплюнул густой слизью. Тут же пришло решение. Он набрал побольше воздуха – и зашелся в приступе кашля. На этот раз, скорее, наигранного. Его согнуло пополам и качнуло в сторону – как раз на проходившего мимо рабочего со слитком в руках. Незаметно придав плечу дополнительное усилие, детектив толкнул этого человека, так, что слиток выпал из скользких от пота ладоней прямо на подставленную ступню Морица. Ясное дело, это была показуха – тяжелый металлический кирпич грохнулся на бетон в сантиметре от ноги, иначе бы не избежать расплюснутых костей ступни.

Взвыв от боли, наемник опустился на корточки, вцепился в злополучный слиток. Выронивший «кирпич» тип, поначалу опешивший от неожиданности, пришел в себя и бросился к «пострадавшему»:

– Эй, ты чего?

– Нормально... – простонал Мориц. – Змея видел?

Вот так, с ходу, первому попавшемуся работяге. Хотя что-то подсказывало: простому рабочему не доверят таскать ценный металл.

– Кого? – Работяга наярив лоб, вспоминая, попутно пытаясь забрать слиток из рук Морица. Но тот потянул слиток на себя.

– Ну, посредник. Видящий. Он был здесь.

– А-а... – с уважением протянул работяга. – Так мне не докладывают. Вот у Шныря спроси.

Он кивнул в сторону сидевшего в сторонке, на штабеле из таких же металлических слитков, коренастого мужика с оголенным жилистым торсом, густо усеянным татуировками. В тени мощной колонны из коренной породы Мориц его сразу и не заметил.

Продолжая держать в руках слиток, он медленно поднялся.

– Э, ты о чем с ним болтал? – насупившись, спросил Нервный.

– Спросил, сколько весит этот кусок железа. Я же инвалидом стану. А-а, нога!.. На кой черт я вообще сюда полез... Эй, друг! Не знаешь, на сколько это потянет?

Он с усилием поднял тяжелый, как наковальня, слиток, указывая на него тому, кого именовали Шнырем. И снова разразился хриплым кашлем, как бы невзначай сунув под мышку слиток. Хромая и покачиваясь, словно собираясь рухнуть замертво, наемник направился в сторону заинтригованного происходящим Шныря. Нервный смотрел чужаку вслед, не понимая, как поступить. Так ничего и

не придумав, он рявкнул на незадачливого работягу, указывая на слиток, который вроде бы случайно уволок «потерпевший».

Это был откровенный цирк, долго продолжать который было невозможно. У специалиста были секунды, пока неприкасаемые не поняли, что их водят за нос. За шаг до Шныря, меланхолично смолившего самокрутку, Мориц буквально рухнул наземь, продолжая болезненно морщиться, шипеть, поглаживая ногу и разбавляя речь кашлем:

– Здоров, Шнырь... Гвоздодер к тебе направил...

– Отдай слиток! – неуверенно потребовал подошедший следом работяга.

Мориц проигнорировал его, сосредоточившись на Шныре. Тот приподнял бровь, перекинул самокрутку языком из одного уголка рта в другой. Поинтересовался:

– А ты вообще кто?

– Он нанял меня, чтобы одного человечка найти. Змея. Он же был здесь.

– Ну, был. Повезло, что живой убрался. Нашел время бабки требовать.

– Долг, что ли?

– Не твое дело.

– Точняк, не мое. Гвоздодер сказал, ты знаешь, где его искать.

Это была игра ва-банк. Других возможностей прощупать ситуацию уже могло и не быть. И если этот тип тоже не в курсе...

– Говорил, в Месиво подастся. Небось, как всегда, в «Саблезубом коте» зависает. Там вроде у него телка. Говорят, реально четкая. Так ведь, Гвоздодер?

Мориц внутренне вздрогнул, ощутив, как, несмотря на адскую жару, тело под плащом покрывается холодным потом. Медленно обернулся.

Главарь стоял за спиной, впившись в чужака ледяным взглядом. Обычно Мориц не позволял подкрадываться к себе настолько незаметно. Но этот упырь был непрост. С виду – невзрачный, тощий, как смерть, бледный. Казалось, ткни – и он развалится. Если не знать, сколько народу он отправил прямиком в преисподнюю, можно было опасно ошибиться на его счет.

– Ты хотел меня видеть? – бледным голосом спросил Гвоздодер.

Редкий случай, когда Мориц с ходу не нашелся что сказать. На помощь пришел спасительный кашель. Приступахватило на пару секунд, после чего голос телохранителя за спиной Гвоздодера произнес с очень неприятной ноткой:

– А я его знаю. Стукач Директории. Наемник.

– Не понял... – протянул Шнырь, сплевывая самокрутку и медленно сползая со штабеля. – Это как понимать, Гвоздодер? Ты знаешь его или нет?

– Кто его привел? – тихо произнес главарь.

– А вот он, – Мориц ткнул пальцем в сторону бледного от страха Нервного, который уже понимал, что накосячил.

Но еще не понимал насколько.

– Взять его, – тихо приказал Гвоздодер. – Потом разберемся...

Узнавший Морица мордоворот первым на него, как нарочно, снова скрюченного приступом кашля, и ринулся. На секунду громила замешкался – и получил с размаху в живот тем самым слитком, который все еще был в руках у детектива. Противник согнулся пополам с резким выдохом – а Мориц уже сбивал с ног растерявшегося Шныря, повалив его прямо на штабель со слитками. Штабель устоял, и Шнырь лишь зря молотил кулаками воздух, запутавшись в плаще, из которого ловко выскользнул специалист по особым поручениям. Любитель самокруток как раз поднимался, переводя дух и отбрасывая в сторону свалившую его болванку, Мориц же, перевалившись за штабель, торопливо выдергивал из штанины примотанный к ноге «кедр». Воткнул на место магазин, уже услышав небрежно брошенное Гвоздодером:

– Убить гаденыша!

В металлическое убежище хаотично и хлестко ударили пули. Но поздно. Выкатившись в сторонку, пользуясь плохим освещением и образовавшимся хаосом, Мориц врезал короткой очередью над головами забежавших неприкасаемых. Вкупе с истошным визгом рикошетов рывканье пистолета-пулемета вызвало панику среди не ожидавших атаки бандюков. К тому же они вынуждены были спасти главаря, и это дарило несколько дополнительных секунд детективу. Он быстро вытащил из тайного кармашка и швырнул в сторону противников компактный тусклый цилиндр.

– Граната! – крикнул он для тупых, кто усомнился бы в серьезности его намерений.

Там поверили – звук предусмотрительно падающих тел был тому подтверждением. Ловко обогнув штабель, наемник подхватил брошенный Шнырем плащ и так же торопливо отполз назад. Ценная вещь – и, раз уж он выжил, не было смысла ее бросать. Здесь его уже ничто не держало, нужную информацию он получил. Правда, цена ее оказалась на грани рентабельности, но таковы уж были издержки его занятия.

Глухо хлопнуло. Из темноты слышалась грязная ругань и беспорядочная стрельба. Нюхнули, значит, слезоточки. Напоследок специалист отправил в темноту еще пару очередей и протиснулся в щель между стеной и гигантским станком. После чего быстрым шагом, но уже не срываясь на бег, меняя на ходу магазин, направился в сторону главного входа. Для него – спасительного выхода.

Когда преследователи пришли в чувство и уже шли по пятам, детектив уже подходил к внешнему блокпосту.

– Стоять! – выбросив вперед пятерню в черной перчатке со срезанными пальцами, приказал офицер.

Пара блюстителей за его спиной с напряженными лицами подняли травматы. Это только называется так – травмат. Если не стоит задача взять живыми или тупо разогнать толпу, такая машинка вполне себе бьет боевыми. Видок у Морица был более чем подозрительный и довольно потрепанный. Однако жетон,

который мужчина сунул прямо под нос офицеру, возымел действие.

– Задержите этих, – Мориц, не оборачиваясь, кивнул на толпу озверелых неприкасаемых, которую он притащил за собой, как кровавый тунец на крюке – стаю возбужденных акул. – Хотя бы минут на пять.

Глава третья

Цена предательства

Грязный пластиковый пакет лениво кружил над бетонной поверхностью, как будто наслаждаясь полетом и не желая возвращаться на грешную землю. Поток холодного воздуха неприятно бился в затылок, пытаясь забраться ледяной лапой за шиворот.

Ветер под землей. Такого здесь еще не бывало. Проблемы с вентиляцией? Разгерметизация комплекса? Неизвестно, чем это было вызвано, но определенно рождало тревогу. Впрочем, как и все вокруг в последние дни.

Центральный сектор напоминал потревоженный муравейник: здесь бродили толпы оборванцев, которых раньше сюда не подпускали на километр; где-то у всех на глазах грабили алкогольную лавку; вдалеке отчаянно кричала женщина, но никому не было до этого дела. Торговые ряды Месива жили своей жизнью, как будто не происходило ничего угрожающего – только цены взлетели, а разнообразие продуктов сократилось еще сильнее. Что не мешало всю работу развлекательным заведениям, разнообразие которых при этом тоже не блистало: подпольные игровые клубы, рюмочные, бордели и дешевые наркоманские притоны, где обильно закидывались «кисляком». Последние резко набирали популярность, отправляя клиентов в далекие райские миры. Правда, ненадолго и всегда с одним и тем же печальным итогом.

Змей огибал бесконечную очередь из мрачных людей, выстроившихся за дешевой едой, выброшенной властями, чтобы голодная толпа не взорвала ситуацию окончательно. Директория вроде бы продолжала исполнять свои функции поддержания нормальной жизни Карфагена, но происходящее все

больше напоминало агонию прежнего порядка.

Группа грязных работяг с эмблемами молибденовых шахт на комбинезонах полезла без очереди. Оттолкнули пожилую женщину – та ойкнула, упала, ей грубо наступили на руку. Какие-то мужики попытались вступиться – и вот их жестоко избивают ногами. Выбитые зубы, сломанные ребра и лужи крови – люди в очереди отворачивались и делали вид, что не замечают происходящего.

В другое время здесь был бы уже до зубов вооруженный наряд, хватали бы всех подряд, не разбираясь, и успокаивали бы не словами, а пластиковыми пулями травматов. Но блюстители, похоже, отстранились от ситуации. То ли сосредоточились на защите Директории, отдав основные территории на откуп толпе и неприкасаемым, которые и были по сути теневым правительством Карфагена. То ли готовили что-то серьезное. Змей склонялся ко второму варианту – слишком хорошо он знал этих властолюбцев с элитных уровней. Тем более, кроме внешнего силового кулака в лице блюстителей, имелись и другие средства – агентура, связи с бандами неприкасаемых, использование противоречий между политическими группировками, религиозными сектами, которые росли теперь и расползались, как плесень во влажной пещере.

Все это грозило взорваться, как пар в раскаленной скороварке.

Нужно было спасать этих людей, открыв им дорогу на поверхность, указав путь в места за пределами их прогнившего дома, туда, где возможна была другая, новая и светлая жизнь.

Однако – легко сказать. Жизнь на поверхности была невозможна без специальной организации, которая оказалась бы наверняка ничуть не проще, чем эвакуация людей сюда, под землю, перед мировой Катастрофой. Там, на поверхности, был чистый воздух, синее небо, но...

Лютая стужа и полное отсутствие пищи. Директория способна была организовать постепенный выход людей на поверхность. Но надо ли ей это было? Да и как удержать толпу, если все вдруг разом захотели бы на поверхность? Это грозило массовой гибелью людей, затравленных обстоятельствами, загнанных и уже не способных сдерживаться и мыслить адекватно.

Но все это не имело значения. Люди должны были знать правду, и он собирался рассказать все, что узнал там, на поверхности. Только сначала нужно было найти Тану.

Они расстались на выходе из Западного сектора, где переждали первые дни по возвращению с Запретной горы. Решение разделить было оправдано: если схватят – то не всех и не сразу.

Теперь же ситуация откатывалась назад. Директория уже не казалась столь однородной и сплоченной, как раньше, власть имущие преследовали каждый свои собственные интересы, и случай с Замом вряд ли был исключением. Грех было не использовать ситуацию, чтоб не собраться вместе. Тем более был повод опасаться за безопасность девушки – да и остальных друзей. Хоть Зам и лежал теперь в холодильнике, охоту за ними никто не отменял. Была еще его мстительная «половина» и Мориц, рыщущий в поисках тех, кого было приказано наказать. Предупрежден – значит, вооружен, и это не давало расслабиться.

Дома ее не оказалось. В Тесных апартаментах, выбитых прямо в породе, было непривычно тихо, словно отсюда все разом эвакуировались. Он отправился в единственное место, где надеялся ее встретить.

В клубе «Саблезубый кот» было как всегда шумно и тесно – только веселье было какое-то истеричное, с надрывом: еще больше пьяных, хохочущих и орущих; звон монет, рев музыки и дикие танцы у шестов, растущих из высоких тумб над головами посетителей. Девки отрывались как в последний раз, от их гибких тел трудно было оторвать взгляд. Он стоял, курил вонючую самокрутку, смотрел на этих сочных девочек и ни о чем не думал. Все было, как раньше.

Только Таны среди них не было. Хотя, если подумать, трудно было ожидать, что девушка вернется к своей специфической профессии после всего, что ей пришлось пережить. Да и Змей, хоть и не сказал бы ни слова против, в душе бы не одобрил. И дело было даже не в ревности... Черт... Да в ней, пожалуй, и дело – вынужден был он признаться самому себе честно. Он не мог относиться к Тане равнодушно, хоть и не предъявлял к ней никаких прав. Наверное, дело было в привычке – посреднику в делах группировок не положено было иметь серьезных отношений, это подрывало доверие к его объективности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vystavnoy_vladislav/metro-2035-krysha-mira-karfagen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)